

Трилогия
в одном
томе

ИРИНА СЫРОМЯТНИКОВА

Житие мое

Москва, 2013

ИРИНА СЫРОМЯТНИКОВА

Трилогия
в одном
томе

- Житие мое •
- Алхимик с боевым дипломом •
- Монтер путей господних •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С95

Серия основана в 2005 году
Выпуск 133

Художники
О. Бабкин, С. А. Григорьев, В. Успенская

Сыромятникова И. В.

С95 Житие мое: Житие мое; Алхимик с боевым дипломом; Монтер путей господних/Послесл. К. Савельева.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 828 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1370-6

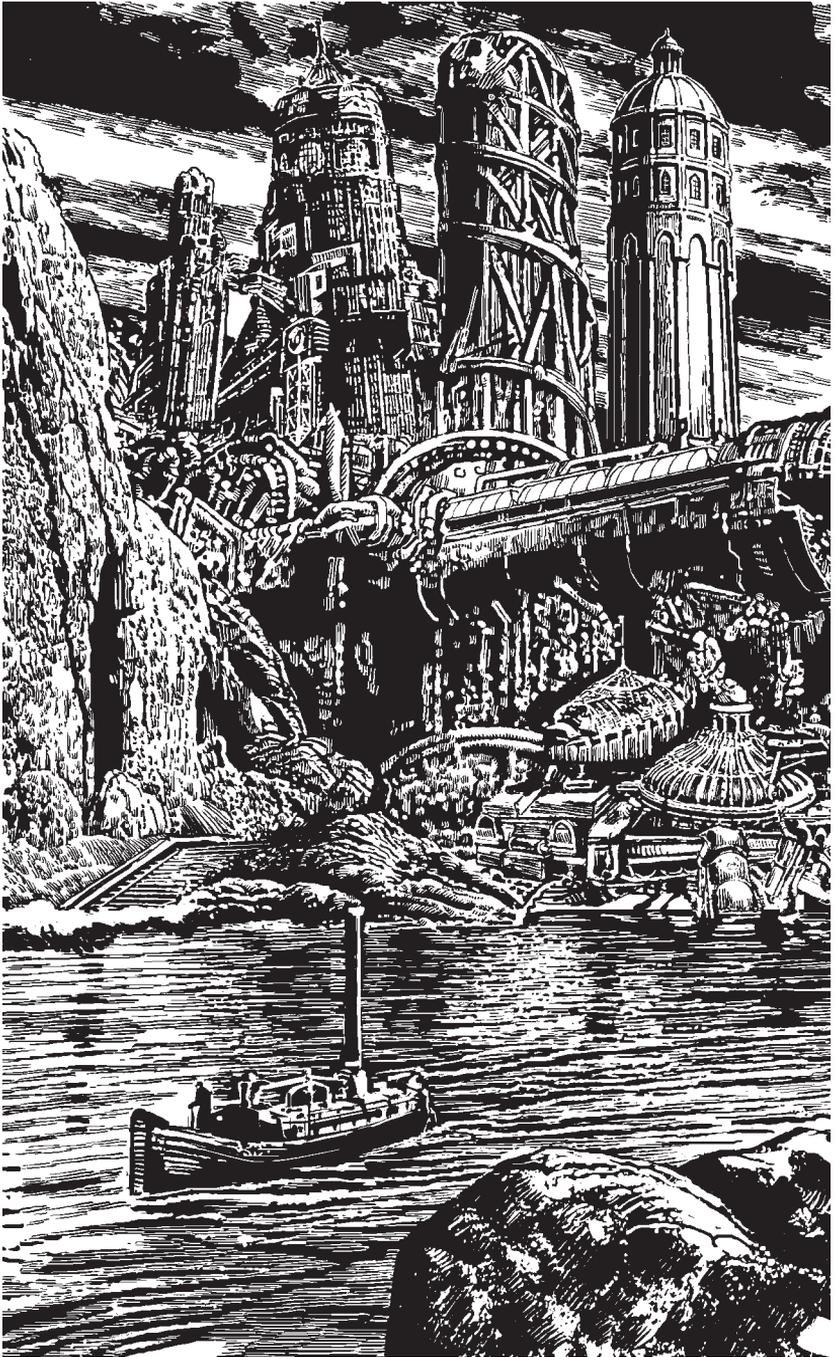
Черные маги часто пишут о себе книги. Как правило, в них они либо хвалятся своей неизъяснимой крутизной, либо жалуется на то, как их притесняют (вы пробовали когда-нибудь притеснять черного мага? И не пробуйте!). На самом деле жизнь выглядит намного прозаичней, довольно-таки скучно и обыденно. Но кто станет об этом писать?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1370-6

© Сыромятникова И. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

• Житие мое •

Часть первая

ОСТРОВ КОРОЛЯ

Черные маги часто пишут о себе книги. Как правило, в них они либо хвалятся своей неизъяснимой крутизной, либо жалуется, как их притесняют. (Вы пробовали когда-нибудь притеснять черного мага? И не пробуйте!) На самом деле жизнь намного прозаичнее, и все выглядит довольно-таки скучно и обыденно. Но кто станет об этом писать?..

Из неоконченного трактата «О Силе»

ГЛАВА 1

Вы только не подумайте, что я оправдываюсь, черные маги — действительно очень уважаемые люди! И материально обеспеченные, к слову сказать. Так получилось, что в этом чудном мире много странных, иррациональных сил и леденящих душу явлений, перед которыми белые волшебники беспомощны, как дети. Люди хотят жить в безопасности, и люди знают — без черной магии это недостижимо. Поэтому настоящий черный маг — весьма высокооплачиваемый и дефицитный специалист, ведь соотношение белых и черных в большинстве уделов составляет двадцать, а то и тридцать к одному. Таково последствие неумной политики прежних лет, подорвавшей генетическую наследственность лучшей части нации. Потомки раскаялись и осознали. Поэтому сейчас дело обстоит так: настоящий черный маг — очень уважаемый человек, а вот всяческих любителей и самоучек кантональная полиция гнобит с нездешней силой. Что понятно и естественно: если у белого недоумка последствием ошибки станут подгоревшие печенья или град вместо дождя, то напортачивший черный рискует вызвать настоящее стихийное бедствие. Зомби, вурдалаки, хищные невидимки, негасимые пожары и эпидемия смертного сна — вот лишь самые нижние строчки списка. В связи с этим все черные маги являются военнообязанными и почти поголовно работают на государство, а черная магия часто стыдливо именуется боевой. Профанам в нашем ремесле не место!

А теперь вот ответьте, как в такой обстановке зарабатывать навыки? Я уже не говорю про мелкий побочный заработок, необходимый каждому студенту.

Допустим, на первом курсе я мог позволить себе подрабатывать посудомоем и подавальщиком в трактире, но постепенно выяснилось,

что тратить столько времени на всякую фигню — непозволительная роскошь. Ради жалкой пары сотен крон в настоящем я рисковал погубить все свое светлое, фигурально выражаясь, будущее. Мне нужно было найти занятие, позволяющее зарабатывать требуемые суммы за пару-тройку часов в неделю, в противном случае меня ждало шесть лет аскезы, поста и воздержания: грант от фонда Роланда Светлого покрывал расходы на жилье и обучение, а вот того денежного содержания, которое высылали мне дражайшие родственники, в большом городе хватало только на хлеб и молоко. Можно было, конечно, занять на жизнь под будущие доходы в банке Гугенцольгеров, как делали многие студенты, но это означало, что добрые десять лет после окончания Редстонского университета высшей магии я буду принадлежать не себе, а этим горбатым крохоборам. На фиг, на фиг!

И тут, естественно, в дело пошел мой природный талант, бесподобная, исключительная одаренность в области черной магии. Вы только не подумайте, призывать всякую пакость или заигрывать с нежитью я не собирался, да и не смог бы, но видеть магию мне ничто не мешало. А мелкие магические феномены, пусть и черные, уязвимы для самых заурядных ритуалов. Я знал меру и никогда не брался за то, что было мне не по плечу, перестраховывался, ориентируясь на спонтанные проклятия, «ослиные уши», «хвост неудачника», выселение буйных домовых — все то, что не несет смертельной угрозы, но осложняет жизнь. В терминах нашего ремесла это называется «выносить мусор». Брал недорого, делал качественно, всегда учитывал пожелания клиента.

Закончилось все глупо. Какой-то профан вообразил, что его жалкие двадцать крон — повод для ужасного мошенничества, и стукнул на меня легавым. Я, видите ли, звонил ему по телефону! Как часто бывает с обывателями, он был убежден, что все маги одинаковые, а усредненный образ волшебника лепил с адепта светлых сил. Потому что их больше. Все белые маги активно не любят технику, ибо она неестественна и противна природе. Совершенно серьезно! Они предпочитают тащиться к клиенту пешком через весь город, ну или посылают курьера... А вот черные маги отлично уживаются с любой техникой, поскольку движущееся неживое — это как раз наш стиль.

В итоге осатаневшие от безделья бойцы надзора скрутили меня прямо на месте, к счастью, до того, как я успел что-либо сделать. Не так-то просто поймать черного на горячем! Нет, мысли о полицейской засаде меня никогда не посещали, но чувство самосохранения требовало, прежде чем куда-то лезть, хорошенько осмотреться. Таким образом, никаких доказательств у них не было. Судимость поставила бы крест на будущей карьере, и мне ничего не оставалось, кроме как уйти в незнанию. Проще говоря, я все категорически отрицал.

Несмотря на свойственный черным магам буйный нрав, мне еще ни разу не приходилось бывать в полиции, тем более в особом отделе

по делам волшебников. И все-таки мне казалось, что государственное учреждение должно выглядеть как-то иначе. То есть не как замызганный подвал с привинченной к полу мебелью и электрической лампочкой на шнурке. Однако ошибки быть не могло: все, кто здесь работал, щеголяли жетонами с аббревиатурой НЗАМИПС. Ни в одной официальной бумаге, насколько я знал, это обозначение не расшифровывалось, что оставляло широкий простор для воображения. И волшебники, и обыватели именовали эту контору просто «надзор».

Пока мы шли по коридорам, все выглядело мило и цивилизовано: инспектора беседовали с посетителями, сновали туда-сюда курьеры, щелкали пишущие машинки, цвели в кадках фикусы. Но потом мы спустились в подвал и завернули в эту комнату, а там... Грязная штукатурка в бурых потеках, крошащийся кафель на бетонном полу, тусклая лампочка мерцает под потолком, железный стол у дальней стены и никаких стульев. Это место хранило рафинированную атмосферу тех времен, когда людей жгли на площади, а специализацию «черный маг» сочли бы глупой шуткой. Я почувствовал себя так, словно на меня опрокинули ушат холодной воды.

Не теряя времени, сопровождающие подтолкнули меня к центру комнаты и приковали к свисающей с потолка цепи. Мама дорогая! Там была настоящая железная цепь с зачарованными браслетами. Раньше я такие видел только в кино. Да, это кино... Так не бывает.

Мерзко заскрипела дверь, и появился новый персонаж.

Вошедший полицейский был обычный человек, не из магов, причем такой комплекции, что от одного взгляда на него становилось нехорошо. «Так вот почему в книжках волшебники изображают замороженными!» — вертелось в голове.

— Ну, что, пацан, колоться будем? — зловеще улыбнулся сын гоблина и паровоза, потирая волосатые лапы.

Вообще-то черные маги очень воинственны, но даже воинственность черных магов имеет предел. Короче, от страха я забыл все, что собирался говорить.

— Я ничего не делал! — озвучил я свой последний довод.

В половине случаев проблемы, из-за которых люди обращаются к магам, имеют психологическую природу. Достаточно провести с бедолагами душевную беседу и выдать им ароматическую свечку, как их беды рассасываются сами собой. Недаром половина предметов в университете не имеет ничего общего с волшебством! Среди моих клиентов не было магов, значит, факт колдовства полицейским не доказать. Только теперь я не был уверен, что кому-то нужны доказательства.

Следователь грохнул кулаком по столу, и стало ясно, почему здесь стол железный.

— Не вешай мне лапшу! Я таких насквозь вижу! — Он сгреб меня за грудки и поднял над полом. — Колись!!!

Уже очень давно никто не смел прикасаться ко мне без разрешения — для черного мага это равносильно приглашению подраться. Кому другому я бы в рожу вцепился, наплевав на рост и вес. И пусть руки связаны, зубами бы нос отгрыз. Но полицейский! Все знают склочный характер черных, никто не поверит, что это не я виноват в случившемся. Я попытался проглотить рвущиеся с языка оскорбления и удушить жаркое пламя Источника Силы. Заклясть полицейского — это как раз то, чего мне сейчас не доставало. Даже не будучи полноценным волшебником, я из этого придурка макарон наделаю.

Между тем гоблин словно задался целью покончить жизнь самоубийством: он продолжал трясти меня как грушу, а потом подался назад и замахнулся пудовым кулаком, целя под дых. Я до последнего не верил, что он меня ударит. В нашем просвещенном мире наша кантональная полиция избивает несовершеннолетнего... Я не успел подготовиться, и от этого мой хрип прозвучал особенно жалко.

А вот дальше началась полная задница. Конкретнее — священное таинство, именуемое у черных магов Обретением Силы и не имеющее ничего общего с Инициацией светлых. Разница принципиальная: белые вынуждены сюсюкать и заигрывать со своим Источником, чтобы выудить у него Силу и притом не напугать, а наш Источник сам кого хочешь напугает, если не сожрет. При нормальном ходе вещей Обретение Силы — это длительный ритуал, суть которого от неопитов тщательно скрывается. Он проводится в присутствии как минимум трех признанных мастеров и время от времени заканчивается летально. Так вот, я вляпался в это дело без всякой подстраховки.

На какой-то миг темное пламя ослепило меня, рванулось к горлу горячей волной, пытаюсь отнять разум и волю. Это было страшнее встречи с прокурором: моя собственная Сила готовилась раздавить и подчинить меня. К такому невозможно подготовиться, этот навык невозможно натренировать, Обретение Силы — момент откровения, после которого ты либо остаешься собой, либо нет. Причем в данном конкретном случае на кон были поставлены две жизни: один-единственный вырвавшийся из-под контроля протуберанец превратил бы придурка-полицейского в анимированный скелет. Времени на размышления не оставалось, ждать инструкций было бессмысленно, пришлось вцепиться в разбушевавшуюся Силу когтями и зубами и рвать, рвать, рвать... И знаете что? Эта подлая штука делала то же самое. В течение минуты мы изображали символ инь-ян в виде двух сцепившихся котов, а потом невероятным усилием воли, в возможность которого я раньше не поверил бы, мне удалось заткнуть, укротить этот поток и вынырнуть на его поверхность под ослепительный свет электрической лампочки.

Приступ миновал так же быстро, как начался.

Источник спрятался где-то внутри меня, словно нашкодивший пес

в будке. Для того чтобы приучить его служить и давать лапу, требовался долгий упорный труд, но начало было положено. Не смея поверить в свое спасение, я осторожно перевел дух. И тут же уткнулся взглядом в полицейского, рассматривающего меня подозрительно умными глазами.

Все-таки я волшебник, а для волшебника психические потрясения страшней физических травм. Усилие, требуемое для завершения ритуала, вычерпало мои резервы до дна. Все эти жуткие вещи: стены, лампочка, его лицо — сошлись в сознании, как в линзе, я охнул и упал без чувств. Последнее, что осталось в моей памяти, — чертыхающийся следователь, пытающийся удержать меня вертикально.

Не знаю, сколько времени я там провалялся, но, вероятно, долго, потому что к тому моменту, как я открыл глаза, в камере прибавилось народу. Помимо давешнего гоблина теперь присутствовали молодой офицер (по ощущениям, черный маг) и пожилой белый со стетоскопом на груди. На лицах всех троих читался чисто медицинский интерес.

— Как вы себя чувствуете, молодой человек? — ласково поинтересовался старичок. Я что-то невнятно промычал, это его вполне устроило. — Что ж, первое знакомство можно считать состоявшимся!

По какой-то непонятной причине отношение ко мне резко изменилось. Даже гоблиноподобный следователь больше не орал и хмыкал почти доброжелательно. Хотя и не ушел.

В чистом, просторном и солнечном кабинете со мной беседовала миловидная женщина-офицер. Да и то сказать — беседовала, скорее читала длинную прочувствованную лекцию о вреде неосторожного колдовства, периодически подсовывая мне под нос скверные фотографии с полицейскими номерками. То, что она говорила, я теоретически знал и раньше, а вот от лицецерения всяческих обрубков и ошметков с удовольствием бы воздержался, но начинать дискуссию совершенно не хотелось. Я энергично кивал и со всем соглашался.

Наверное, потрясение от столкновения с прозой жизни придало моим словам особенную убедительность, и в конце концов мне поверили. Предупредили, что будут за мной следить, записали координаты, пригрозили, что позвонят в деканат, и выставили за дверь, не забывая о том, как я буду добираться до дома в таком состоянии.

— Ничего, крепче будешь! — хохотнул гоблин. — Закончишь вышку, приходи к нам! У генерала Майклома всегда найдется место для рискованного парня.

И в этот момент меня настигло откровение: я понял, что никогда, никогда в жизни не буду работать на полицию.

Пробираясь к выходу из здания, я наткнулся в коридоре на своего несостоявшегося клиента. Мужик все еще давал показания, но, увидев меня, заволновался и замахал рукой.

— Я понимаю, — деловито начал он, — сегодня не получится, но, возможно, в четверг...

Похоже, он считал, что после всего произошедшего я буду на него работать. Воистину святая простота хуже колдовства.

— Не понимаю, о чем вы, — процедил я и заковылял прочь.

Пусть сам разбирается со своим сглазом! Ему сильно повезет, если муниципальная служба очистки сдерет с него за работу меньше двух сотен крон.

Проходя через сверкающий стеклом и медью парадный подъезд полицейского управления, я все еще не до конца верил в свою удачу. Воображение превращало переплеты окон в замаскированные решетки, каждое движение за ними трактовало как слезку, а за аркой внутреннего дворика рисовало вход в склеп. Удалившись от здания полиции на расстояние, которое можно было считать безопасным, я вернулся в маленький сквер и уселся на ближайшую скамейку, стараясь привести в порядок растрепанные чувства. Вечер еще не наступил — с того момента, как я вошел в квартиру клиента, прошло максимум четыре часа.

Словно целая жизнь миновала.

Мысли медленно догоняли глупую голову.

Похоже, судебное разбирательство мне не грозит. Не то чтобы я не понимал, чем занимаюсь (основы законодательства черным магам начинают вбивать еще в школе, в противном случае нас всех проще было бы сразу посадить), но искренне считал, что, приняв меры предосторожности, могу позволить себе вольное толкование некоторых статей. Очень типично! Сколько раз надо услышать фразу: «Спички детям не игрушка», прежде чем поймешь, что это относится и к тебе?

«Этот мир не принадлежит магам, ни белым, ни черным, — вспомнил я слова дяди Гордона (он был мне не совсем дядя, но в тот момент это не имело значения). — Думаешь, мало было умников, пытавшихся доказать обратное?»

Да, дядюшка, их было немало, и то, что все они были идиотами, — не случайность. Магия, особенно белая, по сути — красивый фокус, трюк, она не поможет превратить свинец в золото, сделать хлеб из песка или вино из воды. Хлеб, золото и вино для магов делают обычные люди, а поэтому никогда не следует их злить — себе дороже. Причем это не теория, а подтвержденный на практике факт.

Вот только куда девать врожденные свойства природы, черты характера, давно ставшие притчей во языцех? Когда тебе двадцать лет вдалбливают правила, но стоит наставникам отвернуться, ты тут же берешься за свое. Печально признавать, но черные маги лучше воспринимают науку через пятую точку, и я — не исключение из правил. Наверное, мне следует быть благодарным надзору: они вовремя дали мне по рукам, не дав развиться патологическим наклонностям. Надо уметь

бороться с приступами избыточной хитрости! Очень актуальный навык.

Единственным непонятым моментом оставалось поведение гоблина в форме. Конечно, настоящей жертвой вторичной магической мутации он не был, но внешнее сходство поразительное. Чего же на самом деле он от меня хотел и почему отступился? Вряд ли причиной стал мой обморок — если он боялся жалоб, ему не следовало приглашать свидетелей, пока я валялся без чувств. Личная неприязнь к черным магам? Тогда б ему в НЗАМИПС не удержаться! Даже если бы свои не выгнали, то уж клиенты точно прибили бы.

Но, в сущности, не фи́г ли мне, какие комплексы есть у полицейских?

Я тихо блаженствовал, а укрощенный Источник преданно зализывал мои раны.

Только черный маг может отдыхать, сидя на оживленном перекрестке. Все знакомые мне белые были помешаны на личном контакте и могли расслабиться только в хорошо знакомой, камерной обстановке. А вот меня больше успокаивало обезличенное, механическое движение масс. Никогда не смолкающий шум города я воспринимал как музыку.

Глухо протопала по мостовой упряжка тяжеловозов, тянущих фургон с логотипом известной транспортной компании, и фургон и тяжеловозы были на резиновом ходу. Огромные, почти по три метра в холке твари были выведены при помощи магии и управлялись ею. Обилие «скотской тяги» — вообще характерная черта Редстона. Для тех, кто хотел скорости и не был отягощен багажом, прозвенел по рельсам веселый трамвайчик. Утробно рокоча, миновал перекресток лимузин с двигателем «мечта алкоголика», я потянул носом, надеясь уловить знакомый дух, и с завистью проводил автомобиль взглядом. Да, это вам не трамвай! С большим почтением я относился только к паровозам, но в черте города Редстона паровых двигателей не могло быть по определению: слишком уж много в университете учился белых магов, у которых столкновение с шипящим и дымящим чудом вызывает тяжелый стресс и нервные расстройства. Этим только дай волю, они всех на лошадей пересадят! Муниципалитет жутко гордился тем, что все мощные энергетические установки вынесены в пригород.

Я мечтательно улыбнулся, представляя себя в лимузине. Преуспевающий черный маг может себе позволить и не такое. Пока никаких фатальных оплошностей я не совершил, обвинение мне не предъявлено, спастись бегством нет нужды. В сухом остатке имеются две вещи: во-первых, меня можно поздравить — теперь я полноценный маг, а во-вторых... где же я теперь возьму деньги?!

Нынешний шеф отдела по делам волшебников был стражем порядка в шестом, а то и в седьмом поколении. Его предки начали слу-

жить закону вскоре после того, как Ингернику оставили последние короли, а потом стойко хранили покой сограждан и в недобрые годы чумы, и в смутные времена на стыке тысячелетий, изредка отвлекаясь на гражданские войны и смену власти. Залогом успешности династии были уникальные физические данные семьи Бер: внешность шефа НЗАМИПС отбивала желание хамить даже у самых шепутных черных магов. Конрад Бер со времен учебки носил гордое прозвище Паровоз и был первым представителем своей семьи, дослужившимся до капитана. Последнее было предметом гордости, иногда — с примесью досады.

С невероятным облегчением капитан Бер освободился от костюма противомagicеской защиты. Правительственные искусники придали этой штучке вид обычной полицейской формы, но весила она как хороший доспех. Однако чего не наденешь ради сохранности собственной кожи! Общение с молодыми волшебниками неизвестной силы и темперамента требовало принятия крайних мер предосторожности.

Промокнув пот на шею бумажным полотенцем, Паровоз подтянул к себе телефон и набрал знакомый номер. Массивный аппарат с медной ручкой и перламутровой вставкой на диске любил взбрыкнуть, но этого абонента всегда находил с первого раза.

— Пляши! — объявил капитан невидимому собеседнику. — Познакомился я сегодня с твоим крестником.

— И как? — невнятно поинтересовалась трубка.

— Да никак! Думал, в досье с магической ориентацией напутали. В обморок хлопнулся, представляешь?

Из трубки донесся тихий смешок.

— Да, его отец тоже был очень сдержанным. Сильным магом будет!

— Сильным, это точно, тут к гадалке не ходи. Спектр его я записал, будет время — заходи, посмотришь. Вместе помолимся.

— Спасибо! — отозвалась трубка. — За мной должок.

Шеф НЗАМИПС дождался, когда из трубки послышались гудки, но класть ее на аппарат не стал. Вместо этого он достал из ящичка стола бутылку ячменного виски и отмерил себе стаканчик. Обычно во время работы он не пил, но нынешний день выдался особенно нервным.

Конрад Бер не был магом и не чувствовал магии. Понять, что произошло в камере, он смог, только рассмотрев кристалл записи, навеки запечатлевший это событие для начальства. Вот тогда-то ему и захотелось выпить. Из-за близости Редстонского университета его отдел имел особую негласную функцию: дразнить начинающих черных магов с целью получить отпечаток их ауры. Эта не вполне законная операция позволяла в будущем избежать проблем с опознанием, но выполнять ее рекомендовалось до того, как маг обретет силу, а не после и уж тем более не во время этого процесса.

Капитан Бер, опытный полицейский с пятнадцатилетним стажем,

тупо и бездарно подставился под удар боевого мага, никакая противомagическая защита не спасла бы его, если бы волшебник потерял сознание тремя секундами раньше. Трудно было сказать, во что желало воплотиться нечто, рванувшееся капитану навстречу из запретельных глубин, но последствия подобных событий он уже видел. Комнаты со стенами, оплавленными до стеклянного блеска, одутловатые синюшные тела зомби в полицейской форме, лужицы зеленой жижи там, где только что стоял человек, — да мало ли прелестей таит в себе черная магия! Парень удержал контроль над силой и за это заслужил если не прощение грехов, то, по крайней мере, хорошую скидку.

Но подобные откровения телефону не доверишь, поэтому о втором дне рождения капитана Бера не знала ни одна живая душа и отмечать праздник приходилось в одиночестве.

ГЛАВА 2

Эхо знакомства с полицией накрыло меня во вторник, во время практикума по алхимии. Я уже сдал журнал с готовой работой лаборанту и теперь праздно размышлял, смогу ли поджечь магниевую стружку, выставленную в колбе на столе преподавателя, не сходя со своего места. Близкое знакомство с Источником подарило интересные возможности... Останавливало меня то, что в аудитории я был единственным волшебником. И это не шутка! Половина учащихся университета высшей магии магами не являлась — наше учебное заведение приобрело известность благодаря факультету алхимии. Считается, что предрасположенность к этой науке — такой же врожденный талант, как и умение творить волшебство, только выявить эту способность сложнее. К слову, свой грант от фонда Роланда Светлого я получил за победу на алхимическом турнире. Мне всегда нравилось наблюдать за колебаниями маятников, собирать в линзу солнечный свет и возиться с реактивами, особенно с теми, которые имели свойство гореть и взрываться. К сожалению, практикум превращался из-за этого в настоящую пытку — меня невыносимо тянуло хулиганить.

Сделать что-то мерзкое я не успел — какой-то младшекурсник распахнул дверь без стука, выкрикнул:

— Тангора к проректору! — и тут же убежал.

Настроение сразу испортилось.

Черный маг в плохом настроении — худшее проклятие. Изнывающие от любопытства сокурсники многозначительно шуршали конспектами, но комментировать происходящее не решались. Впрочем, такое счастье не могло продолжаться вечно. Едва раздался звонок, как в аудиторию, чуть не сбив с ног преподавателя, ворвался Рональд

Рест по прозвищу Рон Четвертушка. Этот перед магами не тормозил, ни перед черными, ни перед белыми.

— Здорово, Томас! — заорал Четвертушка. — Тебя к Дракону вызывают!

Томас Тангор — это я. Никаких прозвищ категорически не приемлю, ибо фамилия Тангор — ничуть не хуже прозвища.

— Привет, — мрачно буркнул я, развивать тему не хотелось.

— И что ты натворил? — продолжал допытываться Четвертушка.

— Подрался.

— О... — разочарованно протянул он и отвалил.

Драка с участием студента из черных — это банально, скучно и неинтересно. Слишком соответствует образу. В отличие от слабонервных белых, открытые конфликты мы любим, а вид крови вызывает у нас приятное возбуждение. Естественно, не своей крови. Руководство университета всегда стоит перед трагической дилеммой. Требовать, чтобы черные вели себя так же, как и остальные ученики, — бессмысленно, но и оставлять подобное поведение безнаказанным недопустимо. И вот какой-то умник (знать бы, кто именно, из могилы бы поднял!) нашел идеальное во всех отношениях решение — исправительные работы. Под этим подразумевалось скобление котлов в университетской столовой, уборка навоза за обитателями вивария или мытье туалетов. Отказаться означало вылететь из университета за нарушение дисциплины. Три года мне удавалось избегать этой сомнительной радости, но, похоже, вчерашний визит в полицию подвел под моим везением черту.

Нет, я не возражаю, но хочу обратить внимание, что некоторые так называемые простые смертные оказывались куда большими засранцами, чем любой черный маг. Взять, к примеру, того же Рональда Реста, получившего свое прозвище за то, что перед тем, как надраться вдрабадан, он требовал налить ему «только четвертушку», а надравшись, начинал докапываться до всех лиц мужского пола и клеить всех особей женского. Наученные горьким опытом сокурсники покидали студенческий кабачок при одном его появлении. Так вот, Четвертушка воспринимал практику исправительных работ как возмутительное послабление.

Только бы не виварий...

Короче, к дверям кабинета проректора по работе с трудными студентами (этим эвфемизмом в университете обозначались черные маги) я пришел, чувствуя себя заранее больным. Медная табличка извещала, что за дверями обитает мистер Даркон, но, на мой взгляд, там следовало изобразить знак, отвращающий гулей.

Против ожидания, рассерженным или раздраженным проректор не выглядел.

— Мне сообщили, что вчера вы провели пару часов в нашей любви-

мой конторе. — Он заговорщицки подмигнул, а меня от воспоминаний передернуло. — Не принимайте происшедшее близко к сердцу. — И в ответ на мой недоуменный взгляд пояснил: — Все черные маги в бытность свою студентами попадают в полицию. Это еще один закон природы, и не нам с вами его нарушать.

Лично мне было глубоко плевать на статистику, а вот в глазах проректора появился живой интерес:

— И как, пробовали ли вы свои силы на следователе?

Я отчаянно замотал головой. Как можно! Нападение на стражей порядка с применением магии — чистое самоубийство.

— Поздравляю! Значит, первой записью в вашем деле станет «особо благонадежен». Поверьте, для вашей карьеры это будет значить больше, чем самые лучшие характеристики с места учебы. — Проректор перешел на доверительный тон. — По прошествии лет мне кажется, что они ставят себе главной целью вывести задержанного из равновесия, наверное, это единственный способ понять, на что способен волшебник. Правда, способ довольно рискованный.

Мы расстались с проректором, крепко пожав друг другу руки, как люди, объединенные пережитой несправедливостью. Причем мне до смерти хотелось знать, на чем он-то погорел. Уже покинув кабинет, я вспомнил, что не упомянул ему про состоявшееся Обретение Силы. Ладно, в другой раз! Просто буду чуток осторожнее.

От полицейских я, с грехом пополам, отделался, но теперь передо мной в полный рост вставала проблема наличных денег. Ревизия и скрупулезный подсчет расходов показали, что сбережений хватит месяца на полтора-два. Впечатления от знакомства с гоблином были еще слишком свежи в моей памяти, и на незаконный заработок я не решился.

Нужно было найти работу.

Как человек деятельный я в первую очередь обошел все прилегающие к кампусу кварталы в поисках вакансии, которая могла бы освободиться к лету. Университет высшей магии — особое учебное заведение, никаких экзаменов, за исключением вступительного и выпускного, здесь не сдают, что логично: магией с наскоку не овладеешь. Обучение разбито на много-много промежуточных контрольных точек, однако, следуя древней традиции, два раза в год преподаватели делают перерыв — летом на два месяца и зимой на три недели. Зимой большинство моих однокурсников оставалось в городе, но летом университет практически пустел. Преддверие летних каникул — лучшее время, чтобы захватить чье-нибудь место.

Увы! Большинство вакансий предполагало работу для белых магов, в крайнем случае — для обычных людей, никто не желал проблем со студентом — черным, тем более накануне Обретения Силы. Подлая дискриминация! Раз черный маг, то что, ему деньги не нужны?!

Единственным реальным вариантом было мыть полы в трамвайном депо по ночам. Спасибо, дядя, а спать когда? С четвертого года обучения в университете начиналась специализация. Раз уж я прошел Посвящение, придется потратиться на полноценный курс колдовства. Клевать носом над пентаграммой? Лучше уж по башке камнем.

У меня оставалось два варианта: Гугенцольгеры или помощь семьи, причем решать надо было быстро. Я решил начать с родственников. Какого черта? Семья потомственных черных магов не может быть нищей! Мне и нужно-то всего пятьдесят-шестьдесят крон в месяц, но мать присылала двадцать, изредка — тридцать (типа на праздники) и искренне считала это нормой. Нам нужно было серьезно поговорить. Такие дела не решаются в письмах, и впервые за три года я решил воспользоваться еще одной привилегией стипендиата роландовского фонда — оплаченной дорогой до дома и обратно.

Вообще-то летние визиты к предкам больше характерны для студентов из белых. Мне всегда было интересно, как они успевают обернуться туда-сюда, если не любят пользоваться чугункой? Рон Четвертушка уезжал на Южное побережье в компании двух второкурсниц и звал меня с собой, но я упорно отнекивался и распускал слухи, что у меня дома серьезные дела — выглядеть перед приятелями нищим побирешкой отчаянно не хотелось.

Взять билет было легко — первый вагон у пассажиров не пользовался популярностью. Летом в наши края мало кто ездит, как и в любой другой сезон, если уж на то пошло. Во-первых, гористое плато на западной оконечности континента славилось самым мерзким во всей Ингернике климатом. Не то чтобы у нас было холодно, но и настоящего тепла никогда не наблюдалось, количество солнечных дней в году можно пересчитать по пальцам рук, зато туманы — самое обычное дело. Во-вторых, народишко у нас диковатый: крестьяне Краухарда полны предрассудков и до сих пор заплетают в гривы лошадей серебряные нити, прибивают бараньи рога над воротами, а в одеяла зашивают черную кошачью шерсть. Край меланхолии, ледяных дождей и шквалистых ветров — белые такое просто не выдерживают. И еще — край нежити. Такого количества проявлений потусторонних сил, как у нас, нет ни в каком другом месте. Для местных это обстоятельство является предметом своеобразной гордости и постоянного беспокойства. Простейшими ритуалами изгнания владеют даже дети, на каждом перекрестке стоят древние, испещренные непонятными знаками стелы, а в ясные дни с побережья виден пугающий и манящий остров Короля. Кого после этого удивляет, что каждый пятый житель Краухарда — черный маг?

Я сидел на скамейке в вагоне один и сквозь клубы дыма бездумно разглядывал пробегающий мимо пейзаж. Плотная зелень защитной

полосы напоминала туннель, в редких разрывах между деревьями мелькали поля, коровы, белые домики и прочая соломенная пастораль. С тайным нетерпением я ждал, когда вечнозеленые деревья сменятся низким кустарником и бурьяном, а поля — каменистыми пустошами и глубокими оврагами, но первым приветом с родины конечно же стал дождь.

Большую часть пути я благополучно проспал и к моменту прибытия, несмотря на ранний час, был бодр и свеж. Из багажа у меня было всего ничего — маленький рюкзачок и плетеная корзинка. Я не смог удержаться и приобрел парочку сувениров для матери и младшеньких, после чего мое финансовое положение встало на отметку «ниже плинтуса». Проводник, героически сдерживающий позывы к зевоте, предупредительно опустил на перрон складную лестницу, помог мне спуститься и искренне пожелал счастливого пути — за пределами поезда царил густой молочно-белый туман.

Только окунувшись в эту влажную, едва заметно клубящуюся пелену, я понял, как скучал по дому. Все, что мне нравилось в городах: дым машин, их нескончаемое движение, — было всего лишь суррогатом этой таинственной, обволакивающей псевдожизни. Жалобно свистнул невидимый в тумане паровоз, глухо брякнул отправляющийся поезд, а я пошел вдоль перрона, мимо надписи «Дикая застава», попутно вспоминая, где именно должен находиться спуск.

Туман едва заметно отрывался от земли, максимум через час от него не останется и следа, но благодаря этой особенности я сначала увидел ноги встречающих, а лишь потом разглядел лица. Меня ждали: пара дамских туфель на низком каблуке (простоватых и поношенных), два мужских сапога модели «грязи не боимся» и четыре лошадиных копыта. Именно по копытам я их и узнал — нечасто встретишь животное, у которого все четыре ноги разного цвета.

— Здравствуй, ма!

Из тумана выступила женщина в темном вязаном жакете, я узнал бы ее всегда и везде. Она привстала на цыпочки и чмокнула меня в щечку:

— Здравствуй, Томми! Как добрался?

— Отлично!

— Здравствуй, Томас. Дети готовятся к твоему приезду третий день — вся округа уже знает, что их брат возвращается. Так что не удивляйся.

Прежде чем повернуться к говорившему, я сделал глубокий вдох, приводя себя в то состояние, которое обычно использовал для общения с клиентами: отстраненная доброжелательность, почтительность без фамильярности. Уверен, сейчас это дается мне лучше, чем три года назад. Рядом с матерью, улыбаясь, стоял он — один из трех проживающих в Краухарде белых магов. Мой отчим.

— Привет!

— Поедьте, поедьте, — заторопилась мать и увлекла меня к повозке.

Я поймал себя на том, что, рисуя эту встречу, моя память хитроумным кульбитом выкидывала из нее человека, с которым я был знаком больше десяти лет. То есть ни единой мысли о нем у меня не возникало. Наверное, вот так вот мозг не в состоянии увидеть то, что не понимает. Отчим полез на козлы, мать села со мной, а я, улыбаясь, все еще пытался добиться ощущения узнавания.

Черные и белые никогда не сходятся в одну семью, это два разных народа, разные вселенные. Из общих интересов у нас была только еда, даже спали мы по-разному. Про воспитание я даже не заикаюсь: отчим спорить со мной не мог вообще, а чтобы наказать — об этом и речи быть не могло. С момента нашей первой встречи (мне было восемь, а ему — тридцать два) он был для меня Джо, а я для него Томасом (сначала даже мистером Томасом), причем я всегда считал себя старшим. И дело не в магической метафизике — черный талант во мне тогда еще спал, а его белый никогда не был слишком сильным. Склад характера, мироощущение, сама личность — все разнится, как день и ночь.

Он любил сидеть у огня и читать книги — я появлялся дома, только чтобы поесть. Он хохлил и лелеял клумбы с экзотическими сортами маргариток — я ремонтировал в сарае газонокосилку. Он привел в наш дом добродушную мохноногую лошадку, которая с удовольствием возила всю семью на рынок и в гости по выходным. Я на первые деньги купил отчаянно тархтящий и воняющий спиртом мопед, который при любой свободной минутке выкатывал на дорожку перед домом и чистил, регулировал, перебирал. Так мы и пилили друг другу нервы долгие шесть лет после замужества матери. Только теперь, отучившись в Редстонском университете три года, я понимаю, в каком кошмаре он жил. Должно быть, день, когда я получил приглашение от фонда Роланда, был самым счастливым днем в его жизни.

— Ну как дела дома? — Я старался быть вежливым.

— Хорошо. — Мать замялась, я терпеливо ждал продолжения. — Томас, нам надо серьезно поговорить.

Когда она называет меня полным именем, это действительно серьезно.

— Да?

— У Лючика проявился талант. — Она глубоко вздохнула. — Белый.

— Поздравляю!

А что я еще мог сказать? Юный белый маг — он словно обнаженный нерв, полностью раскрыт вовне. Одно неверное слово, резкий взгляд — и малышу обеспечено душевное расстройство. Потом он ста-

нет старше, сильнее, но сейчас... И тут к нему в гости приезжает братец — черный.

— Ты понимаешь... — смущаясь, начала мать.

Теперь, после трех лет в Редстоне, я действительно понимал.

— Я буду осторожен! — искренне пообещал я.

Я — буду, а остальные? Нет места более неподходящего для маленького белого, чем Краухард.

— А каково ему будет жить в наших местах?

По-хорошему, им надо было отсюда переехать, и уже давно. Мать пожалала плечами:

— Мы стараемся обеспечить условия, но с нашими доходами нельзя на многое рассчитывать.

— Неужели отец ничего не оставил? Ни за что ни поверю, что черный маг не умел заработать на жизнь!

— Ты, наверное, не помнишь, при нем мы так не жили. Сбережения были, но когда твой отец так внезапно... умер, мне не удалось найти, куда он их вложил.

Глупейшая ситуация.

— Раньше у нас была государственная пенсия, но, когда тебе исполнилось восемнадцать, ее перестали начислять.

И семье из четырех человек осталось только жалование школьного учителя.

— Тебе надо было сказать мне, я бы выслал вам денег!

Она улыбнулась:

— Какие могут быть деньги у студента?

Действительно, какие у меня могут быть деньги? Ох, деньги...

— Я бы что-нибудь придумал! — упрямо возразил я.

— Не говори глупости, тебе нужно учиться. Ты очень талантлив! Отец гордился бы тобой.

Хитроумный план по увеличению моего содержания накрылся медным тазом. Пожалуй, теперь у меня вообще не хватит духу брать у нее деньги. Это был удар... Но если я и перенял что-то у белых, так это умение относиться к неудачам философски. Очень важное качество! Что ж, буду просто отдыхать.

Лошадка звонко цокала по камням, старенькая бричка скрипела рессорами. Туман бледнел, открывая взгляду замшелые гранитные валуны, кривые елки и заросли стелющегося кустарника. Было лето, цвели вьюнки. Повозка миновала расселину, и перед нами раскинулась долина, довольно широкая для Краухарда. На пологом южном склоне зеленели сады, паслась на выгонах скотина, весело блестели окнами домики с крышами из бурого сланца. Еще полчаса — и я дома!

Встреча была шумной. Подросший Лючик, даром что белый, орал и прыгал за четверых, его сестричка помнила меня хуже и смущалась. Но в целом практически ничего не изменилось. Все тот же сельский

дом с аккуратным палисадником, где росли результаты попыток отчима разводить розы в климате, подходящем разве что для полыни, нахальные куры во дворе.

И тут в поле моего зрения попали такие маленькие, раскрашенные в веселые цвета ящики, расставленные в саду.

— Что это? — с внутренним содроганием спросил я, заранее зная ответ.

— Ну, понимаешь... пока тебя не было, я подумал...

— Пчелы, — констатировал я внезапно севшим голосом.

Если и были на свете существа, которых я не переносил на дух, так это мерзкие, жужжащие, кусающиеся насекомые. Да, это будет очень веселое лето.

Мама накрыла стол на открытой веранде. Я имею в виду, открытой для всех, действительно для всех. Помимо ожидаемых гостей на запах сладкой булки и печеных яблок слетелись гости нежеланные. Радость возвращения была испорчена, я уже не говорю про аппетит.

Пчелы отнеслись ко мне с подозрением. Маленькие авиаторы с задумчивым жужжанием летали вокруг меня, норовя попасть в лицо.

— Не бойся! — уговаривал Лючик.

Белый маг утешал меня, инициированного (!) черного. Да если я хоть на минуту расслаблюсь... Даже думать о таком нельзя! Укрощать свой Источник я еще не умею, второй раз у меня может получиться хуже, чем в первый. Лекция женщины-полицейского оживала в памяти с удивительной ясностью, особенно те фотографии с ошметками. Надо держать себя в руках, я не могу причинить вред людям, которых, пусть белых, пусть дурных, люблю. Но это легче сказать, чем сделать.

Достаточно было провести здесь полдня, чтобы понять: ночь, когда что-то зажужжит у меня над головой, станет последней для всех обитателей дома. И это не шутка. Нужно срочно посоветоваться с черным магом, к счастью, найти такого в Краухарде достаточно легко.

— Ма, я сбегаю к дяде Гордону, скажу привет. Он еще не съехал?

— Куда он денется, старый зануда! — фыркнула мама. — Беги-беги. Он к нам уже заходил, интересовался, но пчелы его отпугнули.

Бедный дядя Гордон.

Мое желание навестить старика ни у кого удивления не вызвало — он был мне ближе отчима, фактически вторым отцом. Для воспитания черного нужен другой черный — это аксиома, даже простые люди не всегда справляются с задачей, не говоря уже про белых. Это как раз тот случай, когда нужно иметь твердость выдрать ребенка как сидорову козу за кажущиеся невинными шалости, пока они не превратились в серьезную патологию. И не надо мне про хрупкую детскую психику, я знаю, о чем говорю! В какой-то момент уже начинаешь понимать, что поступил неправильно, но сил справиться с черной натурой еще

нет. Получив по заднице, даешь себе зарок: больше ни-ни! — и иногда даже держишь слово.

Сколько я себя помню, дядя Гордон всегда был другом нашей семьи, ему я обязан увлечением алхимией и отсутствием серьезных пороков в характере. Он также был единственным жителем долины, кто выстроил дом на северном склоне, среди чахлах деревьев и лишайника. Дело было не в свойствах дядиной натуры, а в том, что основную часть его хозяйства составляли машинный двор и сарай — дядя был деревенским механикусом. Когда я пришел, он как раз возился со своим раздолбанным грузовичком — колымага чадила еще сильнее, чем три года назад, если такое вообще возможно. Дядя заметил меня и махнул рукой, чтобы я шел сразу на кухню, а сам появился там минуты через три, вытирая руки ветошью. Улыбался он не без злорадства:

— Ну как тебе дома?

— Дядь, не надо! — отмахнулся я и тут же поставил вопрос ребром: — Надо что-то делать, я же их всех убью!

Дядя Гордон дернул бровью:

— У тебя так плохо с нервами?

— У меня так плохо с Источником.

— Так ведь Обретение у вас происходит только осенью.

— Уже.

Он поставил свой стул напротив моего и приказал:

— Рассказывай!

Ну я и рассказал. Кто бы меня предупредил, что будет так невыносимо стыдно рассказывать о своих пакостных делишках. Но дядя не был возмущен, он был смертельно серьезен:

— Никому больше про это не говори! Понял?

— Почему?

— Потому что «дикий» прорыв — это почти гарантированный запрет на профессию. В лучшем случае тебе просто не дадут учиться дальше, в худшем — наденут Оковы, и будешь каждую неделю ходить в околоток отмечаться.

— Но почему?!

Дядя Гордон тяжело вздохнул:

— Ты про Балдуса Кровавого читал? А про Крома-Потрошителя? Неконтролируемое Обретение дает силу непредсказуемых свойств, самые обычные заклинания в твоем случае могут подействовать как оружейное проклятие. Прибавь к этому психическую нестабильность и опасность безумия. Кому надо так рисковать?

— Но... что же делать?

— Молчать!

— Разве так можно? — поразился я. Обычно дядя не давал советов с криминальным оттенком.

— Но ведь они-то молчат. Эти паразиты записали отпечаток твоей

ауры, на кристалле должен быть отчетливо виден момент пробоя, но если они признаются, что ты получил увечье из-за них, то у кого-то в НЗАМИПС будут крупные неприятности. Их художества многих раздражают! Они ждут, когда ты проговоришься или засветишься на официальном испытании, тогда тебе ни за что не доказать их вину.

— Нужно было сразу...

— Нет, ты все сделал правильно! Вы были вдвоем, у тебя нет свидетелей, тем более из магов, а тот кристалл в руки тебе никто не даст. Они же не враги сами себе! Так почему ты должен оставаться крайним? Я покажу тебе, как сымитировать результаты испытаний. Конечно, впредь тебе придется быть очень осторожным и сто раз подумать, прежде чем что-то сделать, а при появлении любых странностей сразу идти к эмпату, но жизнь на этом не закончится.

— Почему ты мне это говоришь?

— Ты — сын Годера. Я многим обязан твоему отцу, и мне не нравится, что они из-за собственной ошибки сломают тебе судьбу. Не кисни! Раньше все черные маги проходили ритуал Обретения Силы стихийно — и ничего, проблемы были только у некоторых.

Тут я сразу вспомнил про Балдуса Кровавого. Дядя сходил на кухню, погремел чем-то в шкафу и вернулся с маленьким пузырьком из непрозрачного стекла в руках.

— Вот, выпей. Это парализует магические способности. Народное средство. Правда, живот будет немного крутить.

Я с подозрением принял клянку — жидкость пахла чесноком.

— Пару дней поживешь дома, чтобы ни у кого не возникло вопросов. Потом я тебя устрою в экспедицию.

— Куда-куда?

— Туда! К нам хлыщи столичные приехали, типа археологи. Собираются копать на острове Короля, ищут сезонных рабочих. Естественно, никто из местных к ним наниматься не хочет, дураков нет, они за тебя двумя руками ухватятся. Придется и мне с тобой...

Тут я проглотил содержимое склянки, забыв о возражениях. Странная жидкость легла в желудок свинцовой каплей, но каких-то резких катастрофических изменений в моем организме не вызвала. Точнее, вообще никаких изменений не произошло. Сколько я ни старался, не мог убедить себя в ощущении убывающей силы или какой-то внутренней слабости. Дядя заметил мои метания, усмехнулся и велел идти домой.

Да в принципе уже пора было возвращаться: вечерело, а деревня — не город, фонарей тут нет. Я бежал домой знакомой с детства тропинкой (напрямую, по камням через речку и мимо огородов), а мысли крутились вокруг странных поворотов судьбы. С какой стороны ни посмотри — удача мне улынулась. Поймите правильно, мне ни в зуб

не сдалась профессия черного мага (я вообще-то алхимиком собирался быть), но к меченым надзором субъектам люди относятся подозрительно. Как понять, вдруг из дурки опять выпустили психопата? Я же запарюсь объяснять, что ни в чем не виноват! Но проблема оказалась решенной еще прежде, чем дала о себе знать.

А тут еще, словно в компенсацию за потраченные нервы, на горизонте нарисовалась экзотическая экскурсия. Батюшки-светы, остров Короля! Да кто из черных не хочет посмотреть на это место? Это как же я вовремя сюда попал.

ГЛАВА 3

Каникулы, начавшиеся столь сумбурно, наладились — дядино зелье испортило аппетит, зато серьезно улучшило характер. Никогда бы не подумал, что колебания Источника так сильно влияют на мое настроение.

Это было очень своевременно, так как позволяло мне без раздражения воспринимать младших сестренку и братишку. Нет, я не против детей, но три года назад, когда мы были на равных, эта мелюзга меня так не доставала, тогда их внимание было в основном сконцентрировано на родителях. Теперь маленькая Эмми учила меня распознавать цветы — подводила к какому-нибудь лютику, тыкала в него пальчиком и говорила:

— Вот это — куриная сапота!

Меня же больше волновала не ботаника, а зоология: отчим наложил на окно моей комнаты какое-то заклятие, отвращающее пчел, но твари брали свое на улице. За два дня меня никто не укусил, но я опасался, что везение будет недолгим.

Лючик бегал вокруг, счастливый и сияющий, и говорил обо всем, то есть в прямом смысле слова обо всем. Это был настоящий поток сознания, смысла которого я не улавливал, даже когда пытался хоть что-то понять. Необычное поведение для восьмилетнего мальчишки. Если пробуждение белого Источника имеет такие симптомы, то как же выглядело пробуждение черного? Я пытался припомнить, чем доставал окружающих в его возрасте.

— Знаешь, а ты в начальный период пробуждения пытался всеми командовать, — сообщил Джо за обедом, провожая своего отпрыска полным обожания взглядом. — Буквально всеми, даже кошками. Это было так забавно...

Хорошо, что эти события не отложились у меня в памяти.

Два дня я проявлял чудеса выдержки и самоконтроля, даже очень придиричивый эмпат не смог бы сказать, что я в чем-то не соответствовал образу Гениального Старшего Брата. На третий день дядя Гордон,

как и обещал, озвучил перед моими родичами предложение об экспедиции. Мы пили чай на веранде, которая теперь тоже была под воздействием заклинания, отвращающего пчел. Настырные твари подлетали к границе действия заклятия и зависали там, многозначительно жужжа. Я поливал оладьи медом — пчелы мне не нравились, но сладкое я любил, а то, что лакомство было отнято у ненавистных насекомых и сдобрено их трупами, только улучшало вкусовые качества.

Мать отнеслась к предложению дяди без энтузиазма:

— Томас приехал отдыхать...

Я оторвался от оладий:

— Но, ма! Это же остров Короля!

— К тому же мальчик сможет немного заработать, — сказал дядя в чашку.

Деньги? Над этим аспектом экспедиции я еще не думал.

— Сколько они платят? — заинтересовался Джо.

— Семнадцать крон в неделю, — сообщил дядя. — Плюс трехразовое питание.

Полсотни крон за три недели! Должно быть, мой взгляд сказал все за меня: я уже видел эти деньги, уже чувствовал их тяжесть в своих руках. Мама тяжело вздохнула.

— Да брось ты, Милли! — усмехнулся дядя. — Всего-то месяц. У вас еще будет время насладиться обществом друг друга.

— Ты поедешь на остров с призраками? — округлил глаза Лючик.

— Не бойся, малыш! — снисходительно улыбнулся я. — Если они появятся, твой брат их всех запечатает.

— Там ничего не происходит уже сто лет, — встал на мою сторону отчим.

— Но там сто лет никто и не живет, — многозначительно возразила мать.

Они еще немного поспорили, но последнее слово, как всегда, осталось за мной. Черный я или нет? Мама повздыхала и начала собирать меня в дорогу. Джо мешался под ногами, чем безумно раздражал и маму, и меня. Одно хорошо — в день отъезда в долине пошел дождь и пчелы меня не провожали.

Всю дорогу до побережья мы с дядей ехали в молчании, но не потому, что сказать было нечего. Просто старая колымага скакала по ухабам, как тушканчик, надсадно завывала на подъемах и оглушительно дребезжала на спусках — попытка общения в таких условиях могла стоить языка. Немногочисленные путники при нашем появлении шаркались в стороны и делали отвращающие знаки, коровы начинали брыкаться, а лошади вставали на дыбы. Ха, это еще никто не знал, куда мы направляемся!

Насколько мне известно, остров считался запретным всегда. При старых властях там находилась самая страшная во всей Ингернике

тюрьма, при новых ее закрыли из сострадания к тюремщикам, но с тех пор пошло поверье, что души черных магов после смерти обитают именно в том месте. Лет сто назад вокруг острова появилась цепь заклятых маяков, отпугивающих рыбацьи лодки печальным звоном. Мнения относительно причин таких строгостей расходились: некоторые считали, что в тех краях находятся распахнутые ворота в потусторонний мир, другие утверждали, что власти охраняют могилу того самого Короля, а третьи, ссылаясь на легенды, намекали, что Король и сам сумеет себя защитить. Туристическим местом остров никогда не был, интерес к нему не поощрялся, а его изображений я ни разу не встречал.

Тем удивительнее было появление в Краухарде столичных умников. Что вообще можно искать в месте, где никто никогда не жил?

Археологи отправлялись на остров из крохотного рыбацкого поселка со странным названием Песий Пляж — не знаю, у кого как, а у меня оно ассоциировалось с трупами и помойкой. В поселок мы с дядей приехали первыми. Я тихо прел в толстом вязаном свитере, надеясь, что в море действительно так холодно, как обещали.

Наниматели появились, когда было уже за полдень. Сначала к причалу подкатил здоровенный грузовик, судя по выхлопам, практически новый, а за ним — полувоенный внедорожник (только в армии используют дизельные двигатели для таких маленьких машин). Из грузовика выпрыгнули грузчики и охрана, из легковушки, не торопясь, вышло наше будущее руководство.

— Ребята при деньгах, — глубокомысленно заметил дядя.

Я не поддержал разговор — похмелье от противوماгического средства было на удивление мерзким.

— Больше я тебе его не дам, — заявил дядя еще при отъезде, — после долгого приема оно вызывает галлюцинации и приступы шизофрении.

Я чуть не поперхнулся.

— Что ж ты не предупредил-то?

— А у тебя был выбор? — резонно возразил дядя. — Привлекать внимание не будем. Через два дня действие эликсира закончится, тогда и начнем тренировку. Предупреждаю: учитель из меня никакой, так что на многое не рассчитывай! Твоя задача — не ворожить, как Кой Горгун, а научиться уверенно призывать и отпускать Источник, особого ума для этого не надо. Понял?

Я покладисто кивнул — голова у меня тогда еще не болела. Идея заработать денег, поглядеть на запретный остров и еще немножко подучиться магии выглядела вполне привлекательной. Кто же знал, что меня будет так мутить?!

Кроме нас на остров собирались еще трое ребята, по одежде — не местных. Я имею в виду, что в Краухарде одежду с коротким рукавом

не носят даже летом — здоровье дороже. Знакомиться с нами парни не пытались, но я так понял, все они — студенты либо из столицы, либо откуда-то из тех краев. Ребята распивали содержимое большой кожаной фляжки и смеялись — судя по всему, они имели весьма приблизительное представление о том, что такое остров Короля. Я уже рисовал себе в уме картину, как компания кабинетных ученых совершает бюджетную вылазку по историческим местам, когда подъехал этот не вполне гражданский грузовик. На причале быстро росла гора тюков, ящиков и бочек, пара дюжих мужиков в одинаковых комбинезонах принимала груз и отгоняла от него любопытных, у одного из них на поясе висела полицейская дубинка, а у другого за голенищем высокого ботинка красовался нож. На катере, лениво болтавшемся на воде недалеко от берега, начали разводиться пары.

Я попытался отогнать тошноту и мыслить здраво: машина, катер, охранники — все это означало, что руководство экспедиции не просто имеет деньги, но еще и знает нужные места. Мне стало интересно:

— Что мы искать-то собираемся?

Дядя в ответ только усмехнулся:

— А я не спрашивал! Не дрейфь, племяш, просто будем аккуратней.

Студенты шумели, приветствуя начальника экспедиции — невысокую, худощавую и удивительно некрасивую женщину. Это был тот случай, когда никакие белые маги не могут спасти положение: имея правильные черты лица и чистую, цвета слоновой кости кожу, дама щеголяла набрякшими веками беспробудного пьяницы и сардонической улыбкой, которая сделала бы честь крокодилу. За ней следовал человек на голову выше ее ростом, в нарочито цивильной одежде и с явными признаками черного мага.

Не спору, взята на остров специалиста по потусторонним явлениям — очень мудрое решение, но все мы знаем, сколько стоят услуги черных магов с военной выправкой.

— Господа, — леди-крокодил начала приветствие, обращаясь в основном к нам с дядей, — я — ваш царь и бог на ближайшие четыре недели, обращаться ко мне следует «миссис Клементс» и никак иначе. Также сообщаю, что никаких пьянок в период нашего сотрудничества не потерплю, — тут она почему-то пронзила взглядом меня, хотя фляга была в руках у студентов, — и предупреждаю: всё, что вы увидите или найдете на острове, является эксклюзивной собственностью экспедиции. Понятно? Тем, кто не согласен, лучше остаться на берегу.

— Все понятно, миссис Клементс! — пропел дядя тем тоном, который используют для обхаживания строптивой кобылы.

Леди-крокодил совсем по-лошадиному вздернула голову, но стоявший за ее спиной мужчина кашлянул, и скандал не состоялся.

— Со мной рядом — мистер Смит, — процедила она сквозь зубы, — наш эксперт по безопасности. Учитывая специфику места работ, я

требую немедленно сообщать ему о любых странностях или необычных явлениях!

Все принялись покладисто кивать, а я немного огорчился. Что, и рассказать об острове никому нельзя будет? Какое-то шизофреническое выходит мероприятие.

От корабля отвалила шлюпка с трескучим спиртовым мотором. Собравшиеся на берегу местные рыбаки наблюдали за ней с интересом — заглохнет или нет. Если спирт местный, точно заглохнет, я на своем мопеде сколько раз это проверял. То ли климат у нас слишком влажный, то ли продавцы слишком бесстыжие, но устойчивой работы движка мне добиться так и не удалось. Вот счастье будет — застрять между небом и землей.

Но при сухой погоде шлюпка смотрелась хорошо и по волнам не плыла — летела.

— Переключка! — снова завладела моим вниманием миссис Клементс. — Пьер Аклеран...

Студенты с готовностью поднимали руки, пересчитанными оказались также мистер Смит и два охранника, а некто Мермер был отмечен как находящийся на корабле. Последними в списке шли мы с дядей.

— Гордон Ферро...

— Есть такой!

— ...и Томас Тангор.

— Тут, — для наглядности я поднял руку. Мистер Смит подарил мне заинтересованный взгляд.

— Всем грузиться!

Насчет «всех» она, конечно, погорячилась — за раз в шлюпку помешались четыре человека и пара ящиков. Миссис Клементс и студенты уехали первыми, но я не завидовал: им втроем предстояло принять и расставить все имущество экспедиции. На берегу же дядя смог сманеврировать так, что в погрузке принимали участие все, включая охранников и шофера грузовика. Естественно, справлялись мы быстрее. Последняя лодка (уже без ящиков) отвезла на корабль тех, кто задержался на берегу. Мистер Смит уселся напротив меня и довольно бесцеремонно рассматривал.

— Зачем вы присоединились к этой экспедиции, мистер Тангор? — наконец спросил он.

— Деньги, сэ́р! — широко улыбнулся я. Универсальный повод.

— А вы, мистер Ферро?

— Ну должен же кто-то за племяшом присмотреть.

— Гм...

— А вы зачем туда едете, мистер Смит? — не удержался я.

Тот удивленно дернул бровью. Интересно, а чего он ожидал, начиная разговор с черными?

— Моя задача — безопасность этого поганого мероприятия! — с неожиданной искренностью признался он.

— Вам можно только посочувствовать, — покачал головой дядя.

Но мистер Смит упрямо тряхнул головой:

— Все под контролем! Проблем не будет.

Как говорится, помолимся, братия.

Впрочем, может быть, это и есть пример рационального подхода, основанного на знаниях, а не на местных суевериях. Мне вот с пяти лет ездят по ушам, заставляя заучивать правила безопасности, сейчас я знаю о проявлениях потустороннего столько, что сам могу читать лекции в университете, однако на моей памяти ничего похожего на то, о чем рассказывают стариковские байки, в нашей долине не происходило. Ну помяло, конечно, пару недоумков... Ну еще скотина бесилась по ночам... Но на фоне зловещей репутации Краухарда это было как шоу лилипутов. Возможно, и опасности острова молва преувеличивает. И такое бывает!

До места мы добирались около суток. Можно было плыть и быстрее, но желающих высаживаться на острове в полной темноте не нашлось. Я неплохо выспался под тихий свист паровой турбины, тошнота прошла, и настроение было лучше некуда. Пора оглядеться, куда это меня занесло.

Катер медленно и осторожно пробирался сквозь туман, не такой густой, как на суше, и еле уловимо пахнувший морем. Птиц не было, единственными источниками звуков были катер и прибой, мерно шуршащий совсем рядом. Линию маяков мы прошли еще ночью, и теперь по правому борту тянулась россыпь скал и валунов, выступающих из моря, словно оборонительные рубежи. Я праздно наблюдал, как в пене между каменными зубьями бултыхаются водоросли и плавник, старательно угадывая в обломках очертания разбитой шлюпки. Те члены экспедиции, которых не сразила морская болезнь, просыпались и начинали выбираться на палубу. Именно этот момент остров выбрал, чтобы удивить нас.

Прибрежные скалы прижались к земле, открывая взору большую расселину: вода и ветер разъели камень, гора разломилась, словно большой зуб, а во внутренней полости стоял металлический замок. Он был виден как на ладони. У меня даже челюсть отпала. Почти не тронутые ржавчиной плиты закрывали сооружение снаружи, а там, где камни одолели металл, взгляду открывались слои внутренних ярусов и мешанина стальных конструкций. Годы забрали все лишнее, а то, что устояло, принадлежало векам, тысячелетиям, вечности. Словно замку надоело уединение и он высунулся из горы, чтобы посмотреть на нас черным зевом провала. Чуть ниже над берегом выступал присыпанный щебнем карниз, под его срезом просматривались мощные

стальные фермы. Создавалось ощущение, что горы — это бутафория, облицованная камнем и полая внутри.

— Шикарное место! — невольно вырвалось у меня. Да, сделай они хоть одну фотографию, никакие маяки народ не удержали бы.

Броневые плиты в две пяди толщиной дышали такой надежностью, такой мощью, что их хотелось просто укусить. А не осталось ли чего-нибудь внутри?

— Да иди ты! Такое уродство, — выдохнул один из студентов.

Я невольно поднял бровь. Мне казалось, парень такой бледный, потому что укачал. Неужели ему здесь страшно?

— А, — до меня дошло, — белый, да? Тогда понятно.

— Что понятно? — возмутился его спутник.

— Нервишки, — пожал плечами я.

Из трюма выбрался дядя и, разглядев берег, начал непроизвольно потирать ладони.

— У-у, какая вкуснота! А что внутри? — поинтересовался он у миссис Клементс.

— Вас это не касается! — хладнокровно заявила она. — Эти руины находятся под охраной государства, и приближаться к ним вы не будете.

Вот ведь вредная баба... Дядя заметно погрузтел.

Загадочные сооружения быстро остались позади, а я все еще озадаченно чесал репу, пытаюсь сообразить, в какую эпоху наши предки могли отгрохать нечто подобное. Как алхимику мне известно, сколько весит одна подобная плита, и совершенно непонятно, как их удалось сложить в такую большую кучу, причем действуя не снаружи, а изнутри. В истории я был не силен, но мне всегда казалось, что в прежние века люди жили как-то проще.

Ситуация становилась интригующей — не только белых на острове Короля ждали сюрпризы.

— Ты же знаешь, я не люблю нанимать местных! — Миссис Клементс тщательно размешала ложку белого порошка в четверти стакана воды и одним махом проглотила получившееся месиво. Вкус медицинской бурды в который раз заставил ее содрогнуться.

Ее собеседник что-то лениво промычал со своей койки.

— К тому же буйных алкашей. — Она спрятала коробку с лекарством в кожаный футляр. — Толку от них чуть, а проблем будет выше крыши.

— Не торопись с выводами, они не были пьяны. — Мистер Смит приподнялся на локте. — А насчет буйности... Оба — черные, это большая удача. Наем таких в столице съел бы весь наш бюджет, а здесь они будут работать на нас практически даром. Только предоставь общение с ними мне, хорошо?

• Алхимик с боевым
дипломом •

ПРЕДИСЛОВИЕ

С рождением мне повезло, причем невероятно. Во-первых, я родился в правильное время, во-вторых — в правильной стране, и никто меня не убедит в обратном.

На что мог рассчитывать нищий сирота при королях? В лучшем случае на место возницы без собственной лошади. И никого не волновало бы, что в мальчишке пропадает великий боевой маг — в Краухарде таких фруктов пятеро на дюжину, а обучение ворожбе денег стоит. Да и не дошло бы дело до обучения: за ритуал Обретения Силы тоже требовалось платить, — дядя Гордон не потянул бы его в одиночку. Народ отдавал колдунам дикие деньги, плевался, но на то, чтобы наплодить патриархам конкурентов, коллективного разума властей не хватало. В наше время единственное, что требуется от черного мага, чтобы проявить свой талант, — это желание. Цены упали, но потребность в магии даже возросла, так что приличный чародей всегда будет иметь уважение.

Впрочем, волшебство до некоторых пор меня интересовало чисто теоретически — мной двигала другая страсть.

Из всех известных мне стран только в Ингернике алхимики ценятся дороже магов. В Каштадаре алхимию поддерживают, а у нас она везде: и в городе, где шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на автомобиль или станцию чугунки, и в деревне, где ушлые сельяне быстро раскусили, что трактор с мотором на масле в страду всяко надежнее, чем тупая скотина. А то, что чад и дым коромыслом, так это пускай белые маги переживают, им дай волю — все будут ездить на волах. О чем говорить, если даже в задрипанной краухардской деревеньке имелся машинный двор, навсегда и полностью захвативший мое внимание? В восемнадцать лет я покинул Сумеречный Край, чтобы обучаться высокому ремеслу алхимии (между прочим, за государственный счет, а это не каждому предлагают!). В тот момент магия в моих жизненных планах

не фигурировала вообще, а жизнь виделась простой и понятной. Но, по-видимому, у кого-то из предков было на этот счет другое мнение.

Волшебство вошло в мою жизнь явочным порядком без всяких замысловатых ритуалов, просто... оп. Большая удача, что в тот момент никто не помер! Виноваты в происшедшем были представители властей (надеюсь, капитану Бери икалось), а расхлебывать последствия предстояло мне. Поначалу истинных масштабов проблем, создаваемых магическим талантом, я не понимал (молод был, неопытен). Ну, угробил лето на обуздание новых возможностей, пусть. В магии пришлось записаться, на университетский курс (учебная нагрузка возросла вдвое). Зато у меня наконец-то появились деньги (восхитительное ощущение!), пусть и заработанные не вполне законным путем. Кому плохо от того, что бедный студент гоняет нежитей из фермерских амбаров? Заказчики-то довольны, а про такую штуку, как лицензия, селяне и слыхом не слыхивали. Надо было сразу понять, что в жизни черного мага счастливых совпадений не бывает, но каждый умник всегда уверен, что страшные истории рассказываются не про него.

Первым звончком стал пес-зомби, случайно созданный мной во время изгнания банды зловредных гоулов (за такие фокусы можно и на костер угодить). Потом была странная смерть дяди, его не менее странное наследство и тесное знакомство с нежитем, про которого самые свирепые боевые маги могут сказать только: «О-о!» Зараза по имени Шорох изгнанию не поддавалась, испытывала нездоровое влечение к мозгам волшебников и демонстрировала зачатки морали (что для потустороннего феномена совершенно нереальная вещь). Я проникся (честно!) и твердо решил сосредоточиться на алхимии, начисто завязав с ворожбой (был повод — приятель сосватал отличную работу). Поздно спохватился. Следом за общительным нежитем в мою жизнь величественно вошел НЗАМИПС, контора, задачей которой было раздавать люлей всем связанным с волшебством (и магам, и потусторонним существам — поровну). В качестве слабого утешения дело закончилось не цепями, а всего лишь появлением двух начальников: старшего координатора региона Сатала и все того же капитана Бери.

Набросились, понимаешь, как волки. Ненавижу...

Причем кипение страстей заметно со стороны, потому что мисс Кевинахари регулярно втирает мне, как важна работа по контролю за магией, которой занимается надзор (эмпатов вообще хлебом не корми — дай человеку в душу залезть). Впрочем, ей за такую убежденность в НЗАМИПС деньги платят. А как быть мне? Благодаря какому-то жульническому трюку, суть которого от меня ускользнула, я теперь являюсь сотрудником этой конторы, внештатным и бесплатным (черный из Краухарда работает задаром: узнают — засмеют). И первое, что сделала эта во всех отношениях достойная организация, —

превратила мой заслуженный новогодний отпуск в командировку. Нет, поймите правильно, я все равно бы сделал то, что сделал: под угрозой оказался мой брат (для черного быть старшим не просто слова). Но одно дело — расследовать странности Михандро́ва добровольно, а другое — быть официально посланным.

Денег за это мне, естественно, не дали. Ненавижу!

Я не роптал: черные ничего не боятся, но выгоду свою различать умеют. Пять лет добровольно-принудительных работ были вполне приемлемой ценой за запрещенное колдовство и тройное убийство (хотя, если учитывать личности убитых, мне за него медаль полагается). Нужно быть кротким и послушным (тьфу ты, грех какой!) и как-нибудь пережить это огорчение. Но стоит контракту закончиться, только меня и видели.

Часть первая ФАКУЛЬТАТИВЫ

И это тоже пройдет.

Изречение философа

Если тебе кажется, что все закончилось, ты — покойник.

Практическое наблюдение

ГЛАВА 1

После возвращения из злосчастной командировки я с удивлением обнаружил, что жизнь стала серой. Тихой. Практически два месяца ничего не происходило, а лекции и зачеты почему-то перестали удовлетворять моему понятию о происшествиях. Нет, я не верю в интуицию практикующих магов, просто тишина казалась мне какой-то лживой. Мисс Кевинахари считала, что все дело в нервном истощении, и рекомендовала мне пить сиамский чай (без молока и сахара), а также утверждала, что мне не хватает общества. Я соглашался, но не до такой степени, чтобы пожелать возвращения в Михандров. В принципе можно было отшить ее, но зачем? Иметь дело с эмпатами легко, если не задумываться, кто они такие.

Наверное, развеять меланхолию было бы проще, если бы я имел возможность похвалиться своей ролью в спасении «городка блаженных». Увы, подтвердить слова мне было бы нечем. Где-то далеко на юге журналисты гремели костями Сигизмунда Салариса, хай стоял до неба, но мое имя ни разу не упоминалось, для всех я оставался безликим эмиссаром из Редстона, не то белым, не то черным, не то вообще перевербованным Искусником (и кому это в голову пришло?). Лейтенант Кларенс писал (не спрашивайте меня, откуда он узнал адрес), что приказ об анонимности исходил лично от господина Акселя, а ссориться с ним ни у одного здравомыслящего человека желания не было (то, что он заткнул всех этих белых, уже о чем-то говорит). Это был старейший региональный координатор, мне он годился даже не в отцы, а в прадеды и характер имел тяжелый, как и полагалось черному магу старой закваски. Кроме того (этим меня порадовала Кевинахари), Аксели и Тангоры, скажем так, не всегда ладили. Представляете себе последствия дуэли черных магов? Пять минут сомнительной славы не стоили такого беспокойства.

Ну и фиг с ней!

А в Редстоне царили грязь и скука. Шел снег, потом дождь, потом снова снег, погода вполне краухардская. По улицам сновали мокрые и почти неотличимые друг от друга горожане, и я ходил среди них на лекции и практикумы, домой и на работу как все — безликий. Тем не менее эта зима была точной копией четырех предыдущих, так что приходилось признать: проблема во мне.

Выяснить отношения с Четвертушкой не удавалось, потому что в знакомые пивные он больше не заходил, драться на людях — себе дороже, а гоняться за ним по городу было как-то несолидно. Оставалось сосредоточиться на делах, которых и так было до затылка: в университете высшей магии только два экзамена — вступительный и выпускной, но вот как раз второй-то и надвигался на меня неумолимо. Мои-ми сокурсниками постепенно овладевало лихорадочное возбуждение: дело было не в испытании как таковом (неспособных к обучению отсеяли еще на первом курсе), скорее — в близости цели. А ради чего толпа недорослей (включая черных и белых) столько лет вкалывала, не жалея сил? Глупый вопрос! Ради получения диплома, конечно.

Диплом. Венец пятилетних трудов, последний штрих, превращающий школяра в почтенного мастера. Одновременно — финал бесшабашной юности и первая ступень будущей карьеры. Символ статуса (для черных — абсолютно необходимая вещь!). Эту бумажку с зачарованными печатями университета мне предстояло пронести через всю жизнь, и я желал, чтобы записи, которые преподаватели сделают туда, соответствовали моим представлениям о собственной гениальности. Небрежность в таком деле совершенно недопустима! Нужно было выбрать тему преддипломной практики (и место, где ее проходить), набрать подходящий список литературы (без него работа будет выглядеть смешно) и уточнить, какие вопросы модны в этом году у экзаменаторов (экзамены сдают не до, а после успешной демонстрации практических навыков). За алхимию волноваться не приходилось: ее я мог начать излагать в любое время, с любого места и практически по любому профилю. Помимо прочего, декан алхимиков питал ко мне слабость и готов был засчитать за практику мою работу в «Биокине», а в качестве диплома желал видеть сравнительный анализ работы газогенераторов разных типов (ну, любопытный он, любопытный). Но вот со второй моей специализацией были кранты.

Всю глубину попадалова я поначалу искренне не понимал, в конце концов, бодяга с черной магией была затеяна исключительно из-за моего стихийного Обретения Силы. Ну да, одно время мне удавалось неплохо на этом зарабатывать, но, как только дело вошло в русло закона, денежный поток резко иссяк. В результате передо мной встал вопрос, никогда ранее меня не беспокоивший: каким именно черным магом я желаю стать?

Карьера чистильщика всерьез не обсуждалась — эта публика у

меня уже в печенках сидела. Можно было пойти по части искательства неживых предметов: кладов, родников, утечек газа, проводов под штукатуркой, в конце концов. Белые тоже умеют это делать, но не так хорошо и избирательно, а далеко не всякому клиенту нужно найти под землей слона. Вот только искатель с университетским дипломом — курьез, недостойный обсуждения, в этом деле все построено на инстинкте, и обычно подобным занимаются выпускники ремесленных училищ, часто даже не прошедшие Обретение.

Более перспективным выглядел Диктат Воли, а проще — управляющая магия. Ни одно потенциально опасное алхимическое устройство (от токарного станка до паровой турбины) не будет поставлено в цех, если на нем не висит парочка проклятий, предохраняющих работающих... от всего. Мало ли что можно придумать? Вон, на моем мотоцикле весь двигатель поставлен на магическое управление. Причем заклятия «диктата воли» бывают трансмастером в редчайших случаях, а значит, без черного мага при их установке не обойтись.

Еще более актуально было построение всевозможных защит — шикарно денежное дело, хотя и конкуренция в нем нехилая. Пусть нежиться занимается НЗАМИПС, но в Редстоне почти на каждой двери стоял замок с упрямой черномагической начинкой, потому что обычные механизмы вору вскрывали практически ногтем. А сейфы, а дома состоятельных граждан? Синекура для магов с замедленной реакцией: две недели нудного зачаровывания печатей, потом тридцать секунд на активацию — и деньги в кармане. Ходишь раз в год и проверяешь, не надо ли обновить проклятие, естественно не бесплатно. Хорошо!

Поворочав мозгами и помедитировав над кружкой пива, я нашел задачу, — идеально объединяющую два самых перспективных направления, — оберег на автомобиль. Никаких врезных замков или дурацких поворотных замыкателей: двигатель просто не заводится до тех пор, пока в гнездо не будет вставлен специальный амулет, который надо непременно сделать трансмастером. С этой гениальной идеей я и заявился к Ракшату, тот немного помялся и сообщил, что тему диплома будет выбирать за меня господин старший координатор и с этим придется смириться. Надо ли объяснять, что эта новость меня немного взволновала?

С каких это пор надзор лезет в учебный процесс?!!

Я пошел шуметь в администрацию университета, и тут вдруг выяснилось, что мистер Даркон, наш несгибаемый проректор, перед Саталом буквально благоговел: то ли знал о нем что-то этакое, то ли правильно оценивал боевой потенциал. Мне было заявлено, что иметь такого наставника — высокая честь и большая ответственность и никого не волнует, что она мне ни в зуб не сдалась. Я вспылил и решил совсем отказаться от звания волшебника, но Ракшат объяснил, что для подтверждения этого придется собирать городскую аттестационную ко-

миссию, а ни один черный Редстона меня не поддержит, ибо — Сатал. Как координатору удалось подмять под себя толпу бесстрашных и свободолюбивых черных магов, оставалось загадкой, однако связываться с ним из-за какого-то краухардца никто не желал. Проклятые горожане! Круг замкнулся.

Я был зол, я бесился и раскокал мраморную кафедру в лектории факультета, защищенную магией в пять слоев (до сих пор не пойму, как это получилось). Я клялся, что изведу Сатала и весь его род до седьмого колена, — Ракшат обещал носить мне на могилку цветы. Мы выпили по маленькой (с преподом, офигеть!) и быстро сошлись на том, что нынешний Большой Босс — буйный псих с манией преследования, помешанный на теории заговоров. Мир без него станет только чище! Но для всех будет лучше, если поразит его сам господь бог, так сказать, персонально. Бога какой именно конфессии мы хотим видеть в качестве мстителя, нам решить не удалось — на шум прибежал декан и всех выгнал.

В итоге, если раньше занятия черной магией казались мне просто утомительными, то теперь они начали вызывать раздражение. Что и как я буду сдавать?! И кому? «Боевые проклятия» — тема, по которой топтались поколения волшебников, ничего нового там не будет изобретено еще тысячу лет, военная кафедра выдает дипломы исключительно практикам, за боевые заслуги.

Наконец после долгого отсутствия из столицы вернулся Сатал. Добрейший наставник посмотрел на мою кислую физиономию, выслушал горькие упреки, потом отволоч меня в спортзал и цивилизованно поколотил. Я рассвирепел и врезал ему по яйцам (непобедимый краухардский прием), а потом сбежал домой в чем был (в трусах и майке по морозу — хорошо!). К следующей среде Кевинахари успела так обработать координатора, что вслух об инциденте он не вспоминал, но настойчиво предлагал дать мне пару уроков борьбы. Я вежливо отнекивался: мои причиндалы были мне еще дороги. В итоге любимый учитель решил, что теории с меня довольно, и отправил на полигон отдела устранения, практиковаться.

И тишина закончилась, прах ее поberi.

Утро (семь утра!), воскресенье (выходной!), холодно, накрапывает дождь. На трижды перепаханных дюнах небольшого острова (а где еще может быть находиться полигон для боевых магов?) стоят пятеро новобранцев-чистильщиков и капрал-инструктор с такой харей, что просто «мама, где мои тапки!».

С каких пор я новобранец? А с каких пор это кого-то интересует? Занятия идут с семи до одиннадцати (четыре часа), значит, четыре выходных в месяц у меня будут гарантированно заняты. И это если мне удастся проявить твердость и не дать Саталу записать меня на полный курс.

— Бойцы! — Голос у инструктора такой, что в любой точке острова было слышно без всякой усиливающей магии. — Молодая опора Ингерники!!! Сегодня вы вступаете на тернистый путь! Суровые испытания ждут вас на этом пути. Некоторые погибнут!! Но не посрамят честь боевого мага!!!

Воодушевляющее начало...

Я слушал и пытался понять: почему воскресенье? Неужели капралу так нравится его работа? Потом сообразил, что во все остальные дни здесь, должно быть, гоняют кадровых чистильщиков для возобновления навыков, а боевой маг на жалованье нипочем не выйдет на работу в свой выходной. Если новичков законопачивают на утро воскресенья, значит, Сатал всерьез намерен привести в форму своих подчиненных. И меня в их числе...

— Тангор!!! — рявкнул капрал таким голосом, от которого любой белый остался бы заикой. — Ты чем занят?!

— Я слушаю, сэр, — с готовностью доложил я, ощущая острое деджавю.

— Тогда отвечайте, мистер Умник, — он упер в меня толстый, как сарделька, палец (схватит за плечо — убью!), — первое действие при столкновении с потусторонним феноменом?

— Определить, что за феномен? — осторожно предположил я, стараясь не обращать внимания на близость уродливой хари.

Мои собратья по оружию дружно захихикали.

— Молчать!!! — гаркнул капрал, и даже у меня сердце екнуло. Зачем же так орать-то? — Единственно правильный ответ! Встречается на удивление редко!!!! А зря-я-я...

От этого последнего «я-я-я» у меня по спине поползли мохнатые гусеницы. Я-то, дурень, фырчал на мистера Ракшата — интеллигентнейшего мага с университетским образованием! За будущее Ингерники можно не волноваться: человек, способный довести до дрожи черного из Краухарда, должен быть непобедимым воином. Или у меня просто нервы шалят? Нет, вон сосед слева тоже побледнел, как зомби. Двое справа тревожно переглядываются, не иначе, сговариваются бежать. Ха! Катер уже ушел, а с берегом остров соединен разводным мостом, который, естественно, уже подняли. У этого отморозка все схвачено — ученикам не скрыться!

Дальше начались собственно занятия. Полигон оглашали вопли «Дангемахарус!», раздавались матюги инструктора и треск молний — начинающие чистильщики демонстрировали свои способности на созданных при помощи черной магии имитаторах. Сложносочиненные предложения капрал произносить не умел, а ему это и не нужно было: выпускников университета среди курсантов не было (кроме меня, естественно). Остальные четверо новобранцев были типичными по нынешним временам черными — в меру нахальными и условно образо-

ванными. Если бы не влияние дяди Гордона, я вполне мог оказаться одним из них. Ритуал Обретения Силы они проходили в каком-нибудь провинциальном училище или армейской учебке, а слова «высшая магия» произносили с легкой запинкой. Зубодробительные тонкости теории были пацанам неинтересны, учили их по методу непобедимой кувалды — чем проще, тем лучше. Вполне рабочий принцип, если вспомнить, как я умудрялся калымить с одним-единственным отработанным проклятием. От капрала требовалось отшлифовать рефлексы новичков, а также уберечь их от самых распространенных ошибок, не объясняя, что именно они делают не так. Избыток знания рождает печали, так сказать.

Вот это и есть хваленая боевая магия, которую все черные так нежно любят. Пофиг мозги, пофиг понимание, главное — иметь канал мощнее и реакцию получше, все остальное дорабатывается по месту в ходе практики. И вот теперь меня (меня!) пытаются законопатить до уровня деревенской гопоты. Не дамся!!!

Шум, суета и примитивность задачи наводили на меня невероятную тоску, а имитирующие нежить тренажеры вызывали только глупый смех. Обычные люди разницу между черным проклятием и потусторонним феноменом не видят, и совершенно зря. Это как пчелиный рой и лесопилка: то и другое жужжит, но притом одно (если будешь неосторожен) развалит тебя на две аккуратные части и обезвреживается железным дрыном, а где тот рубильник, которым можно отключить атакующих пчел? Все созданное человеком несет на себе отпечаток его ума, и бороться с заковырыстыми знаками оказывалось не в пример проще, чем с примитивным, но чуждым всему живому чудовищем. Однако привезти на полигон нежить было невозможно (разве что гуля и потом бегать от него), потому что заигрывания с вражеской силой всегда заканчивались плохо. Да и зачем? Курсанты орудовали маркерами, размечая на песке здоровенные пентаграммы (строго по инструкции), а я халтурил — выкладывался ровно настолько, чтобы отключить имитатор, реальным нежитям мои проклятия были бы по барабану. Но вдруг поймал внимательный взгляд инструктора и запаниковал: замутил что-то настолько умопомрачительно-разрушительное, что Ракшату от одной мысли об этом тошно стало бы. Короче, бабахнуло так, что деревья на берегу закачались.

— Тангор!!! — прорычал капрал, отплеываясь от песка (крепкие здесь, однако, береги).

— Виноват! — пискнул я, стараясь, чтобы воронка оставалась между мной и инструктором.

Четыре часа мы развлекались от души, а под конец капрал мрачно пообещал, что в следующий раз научит нас уму-разуму. Четверо курсантов пошли на пристань ждать катер, а я отправился к мосту. Естественно, что в такую рань приехать сюда из города можно было только

на мотоцикле, в противном случае мне пришлось бы вставать на час раньше — служебный катер ходит на полигон по расписанию. Дождь не прекратился и стал сильнее. Весна пришла, едрить ее налево! Ночью — лед, днем — грязь, перемещаться можно только на дирижабле.

Я выудил из седельной сумки защитные очки и тщательно протер. В принципе на моем мотоцикле есть заклинание-рассекатель (это же эксклюзивная модель!), от грязи и насекомых оно защищает хорошо, но один раз меня занесло в кусты, и оно «мигнуло» — я чуть не остался без глаз. Не люблю сюрпризы!

— Тангор, задержитесь на минуту.

За моей спиной стоял капрал, и глаза у него были добрые-добрые. Это меня сразу насторожило.

— Пойдемте со мной!

Я честно рассмотрел вариант сбежать, но мост еще не опустили, и мне тогда пришлось бы прыгать в воду, а погода для купания не та.

Мы пошлепали в противоположный от полигона конец островка, где приютилось несколько деревянных сараев — служебные помещения. Капрал завел меня в тот, на котором красовалась табличка «Склад». На грубых деревянных полках был свален инвентарь: ящики, полные меловых маркеров и зеркал, кульки с солью, мотки бечевки, грабли и лопаты, а в холодном, похожем на склеп закутке хранились учебные пособия: объединенное фомой стекло, паутина Хищного Эха, гребень водяного закруты. На отдельном столике расположилась обугленная голова гоула с зубами такого размера, каких у живых существ просто не бывает. Ага, ага! В потемках я не заметил, когда капрал успел ко мне подобраться, и ошибку свою осознал, уже оказавшись с заломленными за спиной руками. Вывернутый локоть жалобно хрустнул. Запаниковав, я попытался кинуть обидчика через бедро, он подсек меня и уложил мордой в пол, очень профессионально. Еще и колено на поясицу поставил!

Чую, будут бить...

— Твоя работа?! — прорычал мне на ухо этот садист, продолжая выкручивать локоть.

Сказать, что нет?

— О чем думал, а? О чем думал?!!

В тот момент — ни о чем. Это уже потом, на лекции мисс Кевинахари, мне стало понятно, как крупно я рисковал, изгоняя нежитя без магической поддержки. Пенка в том, что, оказавшись без носителя, инфернальная часть гоула начинает делиться, и если в пределах доступности окажутся пригодные для заселения тела, то вместо одного чудовища вы получите минимум трех, так что своим появлением на свет Макс был обязан неаккуратности прежнего начальника очистки, разменявшего одну большую тварь на парочку поменьше. Конечно,

время внетелесного существования феномена очень ограничено, а свежие гули будут слабее старых, но кому от этого легче?

Наверное, пауза в разговоре стала заметной. Капрал еще раз раздраженно ткнул меня мордой об пол и отпустил.

— Моча в голову бьет?!! В герои хочешь?!

Ха! На хрен надо. Даже заподозрив присутствие таких существ, я бы либо просто укатил, посоветовав всем сматываться, либо забаррикадировался бы в доме. Просто у меня не было выбора.

— Да кто же знал, что их днем разбудят!!

— А разницы?!

— А люди?

Вторая пенка в том, что ночью гоулы могли попытаться заселить живых. Белые бы не устояли.

Капрал в сердцах плюнул на пол:

— Точно, герой! Ты хоть представляешь, что такое гоул в теле мага?

Нежить, получившая доступ к каналу Источника? Даже в теории знать о таком не желаю.

— А мертвому мне не пофиг?

Утилизацией моей ожившей тушки занялись бы спешащие на помощь чистильщики, а обитатели поместья были бы мертвы по-любому. Винаватым я себя не чувствовал. Заглянув в мои бесстыжие глаза, капрал еще раз плюнул (верблюды безгорбый!) и заключил:

— Заниматься будешь по особой программе!

Чего-то подобного я ожидал с самого начала. Главное, чтобы не бокс.

— И скажи Саталу, пусть сделает тебе хранитель.

Я истово закивал, четко осознавая, что даже слова этого в присутствии моего добрейшего наставника не произнесу. Хранитель — это такая примочка профессиональных чистильщиков, знаете, как в сказке: черного мага убивают, и он обращается в пепел. Без меня.

Капрал еще раз заковыристо выругался и велел мне убираться. Повторять ему не пришлось.

В Редстон я возвращался, размышляя о том, что контракт с НЗА-МИПС заключен на пять лет, прошло меньше полугода, а ситуация только хуже и хуже. Причем мне ни кроны не заплатили, даже за ту возню с Ведьминой Плешью в Михандрове. Где справедливость? И потом кто-то удивляется, что черные маги не идут на государственную службу.

Пора бить Четвертушку. В конце концов, темная полоса моей жизни началась с предложения поработать на его благо. Вы не подумайте, я не верю во все эти краухардские рассказы про похищенную удачу, но то, что череда неприятностей началась с моей работы в «Биокине», это ведь неспроста... Вдруг, получив с него сатисфакцию, я верну себе часть прежнего везения? Попробовать стоит.

ГЛАВА 2

Если черному в голову что-нибудь втемяшится — пиши пропало. В университет я пришел, надев шмотки попроще — в трезвом виде Рон был сильным противником, а штопать рубашки у меня получается не очень.

Облом. На лекциях Четвертушка не появился. Ну что ж, первый день после выходных, с кем не бывает! Хотя раньше запойного пьянства за Роном не замечалось. Однако на следующий день Четвертушки в университете снова не было. Он что, издевается?! Но предупредить его о моих намерениях мог разве что Шорох, а это было уже из разряда паранойи. Спрашивается, как мне теперь себя вести: начать злиться или вздохнуть с облегчением? И тут мои мысли словно корябнуло — лезть на рожон Шорох опасался, но мнение свое доносил, а заключалось оно в том, что Рон и без меня уже имеет достаточно неприятностей. Интересно каких? Когда нежить с моралью о ком-то беспокоится, это плохой признак.

Я немного подумал, а потом пошел и на большой перемене позвонил на старую квартиру Рона — ключей от своего нового жилья Четвертушка родственникам не давал, но, что с ним происходит, они знать обязаны.

— Будьте добры Рональда Реста, — очень светским тоном попросил я.

— А кто его спрашивает?

— Это староста его группы, из университета, — и попробуй не поверь.

— Что вам надо?

— Рональда Реста.

— Он заболел, и его сейчас нет дома. Что ему передать?

— Не трудитесь. Я перезвоню в конце недели.

Я повесил трубку и задумался: с некоторых пор мне не нравились разговоры о лечении вне дома. К тому же Рон намекал на знакомство своей матери с сектанткой Мелонс, а идиотизм в позднем возрасте не лечится. У кого бы выяснить, что происходит? И тут я понял, что есть кое-кто, кому может задать парочку вопросов сердитый черный маг.

Найти Сэма было несложно: вечером во вторник заседал исторический клуб, а мелкий гном считался одним из его завсегдатаев. Помнится, узнав об этом, я стал регулярно ходить на собрания и безжалостно критиковать его доклады (сам виноват, нечего зачитывать вслух такие шизофренические тексты), а чтобы меня не поняли превратно, пришлось самому выступить там, рассказав обществу о Белом Халаке, с иллюстрациями и выкладками из теории белой (!) магии. Я ввернул фразу про булку и изюм и имел уважение.

Клуб заседал после окончания занятий в одном из главных лекто-

риев, меня узнали и даже были рады видеть. Темой сегодняшних дебатов было правление короля Гирейна — краткий период расцвета инквизиции, впоследствии дорого обошедшийся Ингернике. Первокурсница с факультета фармацевтики излагала сильно упрощенную версию событий и искренне не понимала, как идею добра можно обратить во зло (девочка была из белых). Я краем глаза наблюдал за Сэмом — мелкий гном был напряжен больше обычного и почти не слушал доклад. Тогда зачем он пришел? Оказалось — ни за чем. Как только началась дискуссия, Сэм встал и направился к двери. Осталось решить, где мне будет удобнее его перехватить. Варианта было два: мужской туалет в правом конце коридора и кладовка в левом (ее дверь я предусмотрительно отпер). Если появятся свидетели, придется идти за ним на улицу, а там народу еще больше...

Сэм повернул налево. Как только несчастный поравнялся с неприкрытой дверцей, я рывком догнал его и сгреб за плечи. Со страху он даже не сопротивлялся.

— Привет! — Воспользовавшись нервным параличом, я втолкнул его в кладовку и закрыл дверь. Бедняга придушенно взвизгивал. — Я хочу знать, что случилось с нашим общим знакомым, прямо сейчас.

— Не понимаю, о чем вы!

Но глазки-то бегали. Я улыбнулся ему, ласково-ласково. Тусклая лампочка не давала в точности определить цвет его лица, но мне показалось, что он стал зеленым.

— А они предупредили тебя, что невозможно солгать черному магу? — Эти доверительные, мурлыкающие интонации удаются мне лучше всего. — Я имею в виду, настоящему черному магу.

Ну два раза точно невозможно. Сэм попытался спрятаться за швабрами, и это у него почти получилось. Это еще что! Он у меня от черных магов шарахаться будет до конца дней и при этом жидко пачкать.

— Где он?

— Я ничего не знаю!

А ведь и вправду не знает, никто не станет посвящать шестерку в такие серьезные дела. Однако у меня были кое-какие мысли на этот счет... Я очень гадко усмехнулся:

— Ты думал, мне нужны твои откровения? У тебя будет возможность понять, как далеки внушенные тебе идеи от реальности. Сегодня же до исхода дня я верну Рона домой, а у тебя будет шанс подумать, готов ли ты бросить вызов стихии, которая терпит тебя чисто из снисхождения.

Вот так! И я оставил его офигевать в подсобке.

Нет, все-таки не зря капрал возил меня мордой об пол — какой-то недорезанный герой в мою родню определенно затесался. Иначе отку-

да этот дурной раж? По всему выходило, что Рон угодил в переплет, причем по собственной глупости. Поделом! Нужно ли мне вмешиваться в его терки с Искусниками? (То, что здесь замешаны они, — к галалке не ходи, мелкий Сэм мне с первого взгляда не понравился.) Шепнуть кому надо, и пусть надзор с ними разбирается. С другой стороны, неужели я упусти такую картину: «Четвертушке навалили»?! Тем более что найти Рона мне и вправду несложно, другое дело, что для этого в очередной раз придется переступить через собственную гордость, хорошо хоть свидетелей не будет.

Я забросил удочку туда, где обычно обитал Шорох. «Вылезай, страшилище!» Не выходит, обиделся. «Обещаю не пугать, я сегодня добрый». Кажется, пытается сообразить, что сможет вытянуть из меня в обмен на услугу. «Значит, так, предлагаю первый и последний раз: поможешь найти Рона — я тебя прощу и больше шпынять не буду. Дальнейшее будет зависеть от твоего поведения. Откажешься — пеняй на себя, лучше тебе тогда забыть обо мне». Не знаю, что из моей речи Шорох понял, но выбор я постарался обозначить четко. В моем сознании появилась трудноразличимая еще картинка. Конечно, нежить не имел глаз, а потому «видеть» мог только чисто условно, представленное им изображение было в известной мере реконструкцией, и выглядеть то место могло совсем иначе. Но ориентиры были: опять — река, опять — склады. «Этот берег или другой?» — «Другой». — «Выше или ниже по течению?» — «Ниже». Я постарался воскресить в уме карту города и предместий. «Перед мусорным причалом или поле?» — «Перед».

Ну вот, просто, как два пальца...

Я покатал в уме представленный Шорохом образ и решительно отправился к трамвайной остановке, на ходу ощупывая карманы в поисках надзоровского манка и посылая призыв Максу — нужно быть готовым ко всему. Привлекать Сатала к делу без крайней необходимости не хотелось: если господин координатор узнает, что я переборол свое отвращение к нежитю, он заберется мне на голову с ногами. Забавно, но то, что переться на ночь глядя в портовый район немножко глупо, мне в голову как-то не пришло.

Поводов для героизма я немедленно получил по самую маковку.

Во-первых, оказалось, что трамвай не доезжает до нужного склада целый квартал (знал бы, ни за что бы сюда не поехал!). Во-вторых, рельеф мостовой напоминал изваяние краухардского проселка в камне: копыта битюгов успели промять и раздолбить дешевую брусчатку местами на три пальца, хорошо хоть, под ногами не чавкало. Дождь для разнообразия перестал, но грязь осталась. В лицо дышал специфический запах весеннего города — аромат растаявшего снега и всего того, что скопилось в нем за зиму.

Я шагал по лабиринту глухих заборов, старательно лавируя между

лужами неизвестной глубины и размышляя над тем, что, собственно, собираюсь делать (вовремя, правда?). У черных не бывает друзей, только знакомые, но мы с Роном были знакомы давно, с первого дня в университете, притерлись друг к другу и умели делать пропуски (а это дорогого стоит). Потом вдруг появляется какой-то мелкий Сэм, и мой приятель с размаху на него вешается. И главное, было бы что в этом задохлике... С чего, спрашивается, Рона потянуло за мной шпионить? А потом прятаться. Он ведь прятался от меня, да? Возможно, у него была на это какая-то причина (не следует мне так много общаться с эмпаатами), но гадать о ней черный может до бесконечности. Нам с Четвертушкой следовало серьезно поговорить, и я собирался сделать это прямо сейчас, невзирая на лица.

Увиденное глазами соотносилось с переданным Шорохом образом, скажем так, с трудом: нежить как-то странно «раскрашивал» окружающее по степени своего интереса. Дома, например, сильнее всего различались характером использованной для их защиты магии, люди — степенью приобщенности к волшебству, прочие индивидуальные черты если и присутствовали, то не улавливались. Таков был именно его взгляд на вещи, а цветные образы и картинки он заимствовал исключительно из чужих мозгов. В итоге нужный мне склад проще всего было опознать по удачной имитации охранного периметра, устроенной вдоль забора (без магии от настоящего не отличишь).

В будке привратника горел свет, но самого сторожа видно не было. Вот и чудесно!

Я оглядел забрызганные навозом брюки, плюнул и тупо перелез через ворота, обнаружив, что Макс уже ждет меня с другой стороны, грязный до ушей и счастливый. (Опять его купать! Квартирная хозяйка и так уже поглядывает на меня косо — на содержание в доме животных у нас уговора не было.) На главных воротах склада висел большой заклятый замок, а вот боковая дверь оказалась приоткрыта. Ловушка или недосмотр? Вот так войду, скажу: «Привет!» и тут же получу по куполу, хорошо, если не молотком. Я всерьез задумался. Не стоит ли мне дать свисток и притащить сюда хваленую команду капитана Бера? А что, если Четвертушка задружился с какой-то компанией (маловероятно, но возможно) и они там сейчас дружно выпивают, а Искусники существуют только в моем воспаленном воображении? Я буду выглядеть круглым дураком! Трусость черным несвойственна, даже осторожность среди нас редкая гостья, но пса-зомби все-таки стоит отправить первым.

Макс проник в здание через духовое окошко под крышей — просто взял и заскочил. Внутри склада было одно огромное помещение, заставленное штабелями ящиков и бочек, и темнота — ни лампочки, ни свечки, окон тоже не было, а если бы и были, — солнце уже ушло за крыши, обещанный Сэму день был на исходе. Обоняние и слух под-

сказывали псу-зомби, что в темноте прячутся по меньшей мере шесть человек, они напряжены, они ждут, но есть еще кто-то — он явно болен, кислотовато-терпкий запах нездоровья буквально пропитал помещение. Оpoznать заболевшего Макс не мог — Четвертушку он никогда прежде не нюхал.

Вот зараза! Должно быть, Сэм отзвонился своим друзьям и они устроили на меня засаду. Надо было избить его для порядка (чтобы до завтра из больнички не вылезал). Вступаться за какого-нибудь складского сторожа меня не тянуло, но что, если пострадавший все-таки Рон? Шорох зря шуршать не будет.

Что ж, будем действовать как всегда. То есть нахрапом.

Я вошел, плотно прикрыл за собой дверь и отправился в ту сторону, где Макс засек засаду. Сделаем людям приятное! Идти пришлось недалеко: стоило мне миновать какую-то незримую черту, как зажегся свет. Множество электрических лампочек осветили сцену: трое неприятелей передо мной (один держит нож у горла Четвертушки, другой тычет в мою сторону арбалет, третий — босс), еще один арбалетчик стоит в конце прохода справа, и кто-то прячется за ящиками слева (думает, я про него не знаю). Того, что зажег свет, отсюда не видно. Всякие мысли о том, что Рон находится здесь по собственной воле, отпали: бедняга был в полубморочном состоянии и ничего вокруг не замечал.

Да, наваяли ему по первое число... Я какое-то время постоял, ожидая, что они скажут. Ну допустим, арбалеты мне теперь не страшны — когда кончилось действие блокираторов, я первым делом изучил методы защиты от подобного оружия. Вот только тот тип, что справа, целится не в меня, а в Четвертушку. Защитить себя я смогу (сколько бы нападающих ни было), но защитить еще и Рона от двоих — это выше моих сил. Стоило тащиться сюда, чтобы наблюдать, как его зарежут! Вмешательство Макса ничего не изменит — враги стоят слишком далеко, к тому же псу-зомби придется заняться шестым, который включил свет и теперь осторожно забирается на галерею (то ли у него там оружие, то ли спасается бегством, я не понял его маневр).

— Вот ты и попался, колдун, — возвестил тот, кто выглядел здесь главным.

Я пожал плечами. Ну хочется человеку в это верить!

— Отпустите парня.

— Попробуешь колдовать — и он умрет!

— Он умрет — вам всем конец. Принцип объяснять надо?

Глаза уже привыкли к тусклому свету, теперь мне был отлично виден говоривший — пожилой мужчина с буйной седой шевелюрой, не из магов, но обвешанный защитными амулетами с ног до головы. Дурь, конечно, но от самоучек помогает. Я мог составить плетение, ко-

торое ломает его игрушки на фиг, но не мог сделать это незаметно. Паршивая ситуация.

Главарь Искусников (если это были они) оскалился:

— Это ты убил Учителя Лорана!

Сомнения об Искусниках пропали. Я не стал отрицать очевидного и пожал плечами:

— Он бросил вызов черному магу, мы такое не прощаем. Кстати, у него тоже была такая штука. — Я кивнул на арбалет. — Но это ему не помогло.

— У нас есть твой приятель, — резонно заметил этот козел. — И мы можем его убить!

— А смысл? Если это будет стоить всем вам жизни?

Я не представлял, как он будет выкручиваться из этой ситуации. Можно было подождать, когда арбалетки устанут (оружие-то у них тяжелое), можно было дожидаться Макса — он неуклонно приближался к своей жертве, заминка была в том, что зомби надо было лишь слегка придушить человека, а не вырвать ему глотку.

Должно быть, мысль о временном факторе не давала главарю покоя.

— Мы готовы умереть! — объявил он. — А наши соратники сумеют заставить тебя ответить за преступление. Твои хозяева не смогут прикрывать тебя вечно!

Я понял, куда он клонит, и забеспокоился: моих навыков не хватит на то, чтобы проделать все незаметно, а месть за смерть друга совсем не то же самое, что необходимая самооборона, тут Сатал может и не пойти мне навстречу. Таким образом, опосредованно они сумеют-таки мне навредить — попросту выставят уголовником. В толковании закона по отношению к черным суд не знает снисхождения (нам только волю дай, мы все в свою пользу повернем), а значит, вместо нимба героя я получу минимум двадцать лет и Оковы Избавления (уже настоящие). Как я буду выглядеть в глазах Лючика? Если честно, мнение семьи на этот счет волновало меня гораздо сильнее жизни Рона. Вот такой я гнусный, эгоистичный и вообще черный маг.

— Почему ты решил, что мне нужно вас убивать? Вас посадят как убийц, плюс хранение оружия. Считаешь, этого мало?

Но, конечно, сколько-то там лет заключения в обмен на жизнь Четвертушки меня не устраивали чисто из эгоистических соображений — несимметрично как-то. Наверное, это было ясно и Искуснику, он оскалился и бросил в мою сторону какой-то предмет:

— Либо ты выпьешь это прямо сейчас, либо можешь начинать звонить в полицию — твоему другу конец!

Как это свойственно незнакомым с черными людьми, он оценивал мое поведение по себе, наивный. Я уже знал, что в пузырьке: запах у блокиратора очень уж специфический. Да, Рон, ты мне дорог, но соб-

ственная жизнь дороже. Утешься, я позабочусь, чтобы эту компанию притравили в тюрьме (есть у меня парочка рецептов — противоядия не существует). Их смерть будет ужасна! Но в тот момент, как я отказался от мысли об убийстве, ситуация предстала передо мной совершенно в другом ключе.

«Эй, чудовище! Вылезай, монстр проклятый!» Шорох испустил волну подозрительного внимания. «Сейчас я попытаюсь нейтрализовать того, что с ножом, а остальные меня прикончат. Если не хочешь, чтобы все твои труды пошли прахом, действуй! Солнечного света здесь нет». Согласие нежить пришло неожиданно легко, он был не против возможности показать мне себя, так сказать, для пущего страха, а отвращающих амулетов в этой части города не было. «Четвертушку не тронь!» И это пожалуйста. Ну и отлично!

Я улыбнулся в глаза козлу с амулетами, подкинул пузырек на ладони: самое сложное было решиться вот так вот плюнуть на себя. Но лучше умереть, чем позволить Шороху стать свидетелем моего позора! Я глубоко вздохнул и взвинтил Источник, жаром его ярости выбивая из души всякие сомнения. Нож, царапающий горло Четвертушки, рассыпался в пыль, козел, угрожавший его жизни, отлетел в сторону с переломами обеих рук, арбалет у стоявшего справа дзинькнул. Я рванулся вперед, стремясь увести Рона с линии огня: заклинание отклонит стрелу, но не помешает арбалетчику выстрелить снова — заряженных арбалетов у него в запасе три или четыре.

Однако никаких ответных действий от Искусников не последовало, стрела не вонзилась мне в ребра, главарь не заступил мне дорогу, а тот, что прятался слева, не атаковал со спины с заточкой в руках. Я успел подхватить Четвертушку прежде, чем он хлопнулся лбом об пол, а вокруг творилось черт-те что. Тусклый свет электрических ламп стал блеклым и дрожал, это дрожал воздух, заполненный черной рябью, словно миллиардом падающих листьев. Голову будто набили ватой, воцарилась такая глухая тишина, что биения сердца не было слышно, только непрекращающийся шорох, словно ветер заблудился в ветвях. Я рискнул посмотреть на врагов сквозь эту вакханалию теней: они замерли там, где стояли, их глаза были широко раскрыты, а лица искажены ужасом. Черные хлопья закручивались вихрями и летели в них, вливаясь в тела непрерывным потоком. Жертвы Шороха что-то видели — зрачки метались, а мышцы подергивались, но что именно, сказать было невозможно. Хотя, учитывая мой собственный опыт, им можно посочувствовать: их живыми забрали в ад.

Надо сваливать отсюда. Не то чтобы мне было страшно, но лучше Шороха не дразнить.

Я взвалил Рона на плечи (ох, тяжел боров!) и зашагал к двери, попутно нажал в кармане надзоровский манок (посмотрим, как быстро они среагируют!). Снаружи было уже темно, следом за мной в дверь

проскользнул Макс, так и не успевший никого потрепать. Вокруг складов по-прежнему было тихо и пусто. В одном Искусникам не откажешь — умеют делать все без свидетелей, хотя и не всегда знают что.

Я усадил стонущего Рона на ящики и принялся возиться с веревками (его не только опоили, но и связали), а пса-зомби отослал в гараж (нечего ему мелькать лишний раз перед посторонними). Осталось дождаться, когда надзор меня найдет.

— Что это было? — бормотал немного оклемавшийся Четвертушка.

— Черная магия, черная магия, — успокаивал я его.

— Они умрут?

— Почему мне знать! — Оставался маленький вопрос, который мне хотелось бы разъяснить: — Это они из-за меня тебя взяли, чтобы ловушку сделать?

— Нет. — Четвертушка горько усмехнулся. — Папкины деньги. Им нужны были папкины деньги.

Ах да, конечно! Это более рациональный повод. Я повеселел: значит, все затеяно не ради мести мне. Вот и славненько! Кстати, раз он очухался, то можно начинать допрос.

— Зачем ты тогда поперся к управлению?

— Сэм сказал, что ты в надзор за деньги стучишь.

Я не удержался и фыркнул: как же, за деньги! Стрясти что-то с этих жмотов просто нереально.

— А с Сэмом у тебя что?

— Да ничего!! — Четвертушка попытался вскочить, но явно не рассчитал сил и рухнул обратно, осовело хлопая глазами. — Он подлизывался, к друзьям своим зазывал. Я не сразу понял, что это за фрукты.

— Я ж тебе говорил, что от него Искусниками смердит, слушать надо умного человека!

На то, чтобы ругаться, у Рона сил не было, мне даже показалось, что он снова отключился. Вокруг стало тихо и скучно.

Неожиданно Четвертушка дернул меня за рукав:

— Можешь их убить?

— Ты что, меня под трибунал подвести хочешь? Пусть твой папка сам разбирается, когда их посадят.

Если мне память не изменяет, наказание за похищение людей в Ингернике очень суровое. Плюс создание банды, плюс хранение оружия — им хватит, если, конечно, в своем уме останутся.

— Извини.

Если Четвертушка извиняется, значит, он очень болен, а сердиться на увечного — грех.

— Проехали.

Команда быстрого реагирования появилась минут через десять, не в экипаже, а на приземистом полувоенном фургончике, отчаянно чихающем и воняющем спиртом. Старший метнулся ко мне:

— Сержант Квинто. Что происходит?

Я ткнул пальцем в дверь:

— Там шестеро и Шорох. Это Рональд Рест, его похитили.

— Лекаря!

Бойцы в голубом сиянии защитных амулетов ворвались в двери склада. Естественно, Шороха там уже не было. Через пару минут подъехал запряженный битюгами фургон, карета целителей, вокруг начали устанавливать зачарованные светильники, из склада потянулась процессия с носилками. Седой главарь тоненько повизгивал.

— Здесь пятеро, а где еще один? Вы на антресолях посмотрели?

— Ему потребуются контейнер поплотнее.

До моего сознания дошла тень удовлетворения: нежить не только развлекался, но еще и поужинал. Что он вообще за существо? Я никогда не думал, что потусторонний феномен может вести себя осмысленно, и в книгах о таком не говорилось. В теории нежити способны реагировать на все только ситуационно, с возрастом количество используемых поведенческих схем увеличивалось, но анализировать их и что-то планировать твари все равно не могли, если бы не это, сражаться с ними было бы практически невозможно. Надо поподробнее изучить вопрос, раз мне с этим уникамом до конца дней общаться. Должна же быть от работы в НЗАМИПС какая-то польза!

Тут на меня накатила волна совершенно неожиданных образов — Шорох жаловался на свою жизнь. Оказалось, что из-за всех этих предосторожностей и конспирации ему все труднее найти подходящих для контакта магов. Быстро распадающиеся жертвы его, видите ли, не устраивают — образ получается нечеткий. Ему печально и одиноко, а я веду себя с ним нехорошо — пугаю и обзываюсь.

Тоже мне цаца! Ведь была бы возможность — сожрал бы и не поморщился, а я в его положение входить должен. Перебьется.

Обиделся. Ушел. Офигеть! Нежить с моралью и тонкой духовной организацией.

Слово, данное малявке Сэму, я сдержал, правда, отправился Рон не домой, а в больницу. Ну это мелочи, а суть в другом: совершенное мною действие оказалось прямо противоположным задуманному и избить Четвертушку в ближайшее время у меня не выйдет. Если рассуждать логически, теперь моя жизнь должна была войти в пике...

ГЛАВА 3

До конца недели судьба себя не проявляла, словно нарочно давая мне увериться в безнаказанности, и я от души развлекался чтением редстонских газет. Какая волшебная трава способна нашептать такое? Было впечатление, что написанием статей занимаются все те же

Искусники, потому что с реальностью безумные тексты имели не больше общего, чем философия сектантов. Осознавать глубину чужого идиотизма было приятно и полезно для повышения самооценки, а то я последнее время сомневаться в себе стал, словно и не черный.

Утром среды почти все таблоиды вышли с передовицами про «очередной провал НЗАМИПС», набранными аршинными буквами (ввиду скудности содержания). У всех статей была одна общая черта — перед сдачей в набор их явно никто не перечитывал, иначе река вышла бы из берегов из-за количества утопившихся от невыносимого стыда, а уж откуда авторы черпали сведения — вообще загадка природы. «Ночной рейд, имеются жертвы. В больницы поступили десятки раненых». Даже чисто логически, скажите: откуда столько народу ночью на складах? Я имею в виду случайного. Или вот перл: «При задержании подозреваемых команда НЗАМИПС применила силу». А что еще они должны были бы сделать? С бубном танцевать? И почти каждая газета считала должным упомянуть, что «среди пострадавших — сын Ричарда Реста». Да если бы не я, он среди этих пострадавших и остался бы! Причем заметьте: пришел, увидел, победил — практически без мордобоя (сам удивляюсь). Впрочем, задевать семейство Рест журналисты опасались, а вот по теме надзора топтались с восторгом. На свет были вытащены все мыслимые и немыслимые претензии, начиная от цензуры массовых мероприятий и заканчивая грехами инквизиции (которая, к слову, белых-то как раз и не гоняла). И это только первый залп!

Я злорадно потирал руки в ожидании репрессий, у меня еще с прошлого раза осталась парочка вопросов к писакам. НЗАМИПС — это вам не одинокого частника пинать, конторой руководит черный маг, свирепый и ужасный, который людей если и не ест, то нет-нет да и надкусит. На мой взгляд, происходящее могло кончиться только массовым побоищем, а если Сатал кого-нибудь пропустит, я обработаю выживших особым ядовитым порошком. Для правого дела никаких запасов не жалко! Главное, только чтобы любимый учитель и меня до кучи не прибил.

Против всех ожиданий второго залпа не последовало: центральные редстонские газеты охватил необъяснимый прилив здравомыслия (Четвертушка потом признался: его батя объявил редакторам, что не будет оплачивать юристов). Начиная с четверга в статьях резко добавилось фактов и убавилось непонятных претензий, фразу про «неожиданный успех НЗАМИПС» можно списать на глупый юмор, а сентенцию про «свежую кровь, пришедшую со сменой регионального координатора» даже рассматривать как похвалу. «Городской курьер» выдал огромное, на целый разворот, досье на «безвинно пострадавших», как оказалось, седоволосого главара полиция Ингерники безуспешно разыскивала пятый год. Черный финансист Искусников спе-

циализировался на молодых наследниках крупных состояний. Предполагаемую жертву осторожно обрабатывали, приглашали погостить или просто похищали, после чего она в кратчайшие сроки становилась фанатичным сторонником учения. Долго ждать наследства сектанты расположены не были: богатые родственники неопита умирали в течение месяца, а все имущество, пригодное для превращения в наличные, стремительно распродавалось. Скорость имела значение — очень быстро грубые методы «обработки» давали о себе знать, Искусники исчезали с деньгами, а новообращенный отправлялся в дурдом с неисцелимым расстройством психики.

Я представил себе пускающего слюни Четвертушку и понял, что поступил правильно, несмотря на некоторые непредвиденные последствия. У меня вообще-то гибкая картина мира, но сумасшедший Рон в нее не вписывался никоим образом (мертвый еще туда-сюда, а вот сумасшедший — нет). Осталось выяснить, чем закончится для меня вся эта благотворительность.

Предупрежден — считай, наполовину спасся.

Рассудим здраво: с какой стороны начинающему черному магу может грозить опасность? Из всех возможных угроз мне на ум почему-то приходил только Сатал. Немудрено: Искусники словно задались целью заслужить репутацию клоунов, Шорох вел себя скромно, дядину книжку я нигде не засветил и никакие странные личности за мной из подворотен не следили. Мог ли старший координатор обидеться на меня за устроенный в городе шум? С другой стороны, если бы семейство Рест понесло потери, шума было бы гораздо больше. Или он недоволен тем, что в деле снова замешан Шорох? Так нежить в газеты и не попал, все сошлось на том, что один из Искусников был убит при штурме чем-то черномagicеским. Тщательно рассмотрев проблему со всех сторон, я решил, что Кевинахари в чем-то права, когда говорит про расшатанные нервы. В общем, наплевать и забыть. Нельзя строить жизнь, основываясь на деревенских суевериях!

В субботу я исхитрился навестить Рона в лечебнице: всегда хотелось посмотреть, как болеют состоятельные люди. Впечатлило. Особенно медицинский персонал. Целительница, которая приходила ставить Четвертушке градусник, имела такую фигуру, что при ее появлении разговор замолкал сам собой. (И это не считая ковров и хрустальной люстры.) Заметно взбодрившийся Рон велел предупредить в университете, чтобы быстро его назад не ждали (я бы из такого места тоже добровольно не ушел). А по возвращении домой консьерж передал мне записку: капитан Бер сообщал, что Сатал хочет видеть меня на полигоне не с утра, а к пяти часам вечера.

Ну передал, и фиг с ним. Казалось бы, о чем тут беспокоиться? Новость-то была скорее положительная.

То, что дело нечисто, я заподозрил только на месте. Там, где просе-

лочная дорога упиралась в мост, перекинутый на остров-полигон через быструю протоку, стоял большой конный фургон военно-медицинской службы. Скучающий возница с жуликоватой физиономией встретился со мной глазами, смутился и больше в сторону моего мотоцикла не смотрел (умный мальчик). Наученный горьким опытом, закатывать агрегат на остров я не стал — средство передвижения могло мне еще пригодиться. Осталось выяснить, в чем сюрприз.

Во-первых, новичков-чистильщиков нигде не ощущалось и не наблюдалось. Во-вторых, на полигоне были посторонние. В-третьих, один из гостей лежал на песке под зеленым армейским брезентом и был по некоторым признакам мертв. Над покойником мило беседовали мои наставники (говорил только Сатал, а капрал молча кивал) и двое прилично одетых господ — средних лет мужчина в чиновничьем сюртуке, с папкой под мышкой и пожилой маг в пижонском клетчатом костюме, с тросточкой. Поправка: не пожилой, а старый, очень старый. Я в первый раз видел черного, который был абсолютно седым, обычно наш брат до последнего сохраняет яркую окраску, а этого человека река времени выполоскала дочиста, до белизны. Ростом пониже дяди Гордона (поколение недокормленных предков), сухощавый, но без признаков немощи, дедок уже какое-то время меня разглядывал, и я не к месту вспомнил легенду о костяном драконе, который умел перекидываться в человека.

— А вот и наше молодое дарование, — объявил Сатал, жестом предлагая мне подгребать ближе.

Я подошел. А что, мне от них бегать, что ли?

— Прощу знакомиться — Томас Тангор, весьма широко образованный молодой маг, выпускник Редстонского университета, практик. А это наши столичные гости: мистер Пирсон, куратор отдела криминалистической магии, и господин Чарак, ведущий эксперт.

Так уж получилось, что слово «куратор» в моем понимании однозначно рифмовалось с «инквизитор», тем более что функции они выполняли похожие, а оговорка Сатала про «господина» означала, что ведущий эксперт Чарак вполне мог эту самую инквизицию в натуре помнить. И чего старого перечника в такую даль понесло? Да еще с эскортом. Несмотря на попытку Сатала акцентировать внимание на чиновнике, я отлично понимал, что маг в этой паре главный. Интересно, они покойника с собой принесли или на месте сделали?

— Приятно видеть, что в нашем древнем ремесле не оскудевают молодые таланты, — прозрачно улыбнулся господин Чарак.

Я решил не поддерживать в нем иллюзий:

— Вообще-то я алхимиком собираюсь быть.

— И как успехи? — скептически уточнил он.

— Осенью диплом! — не без гордости сообщил я.

Подобная новость привела старого мага в некоторое недоумение.

— Двойная специализация, — быстро вмешался Сатал (мой наставник немного нервничал), — программой допускается.

— И что же для вас боевая магия, юноша? — немного чопорно поинтересовался дед.

Я пожал плечами и брякнул первое, что пришло на ум:

— Хобби. Люблю, знаете ли, провести время с огоньком!

У капрала забегали глазки, мистер Пирсон печально вздохнул, из чего я заключил, что делаю что-то не так, и начал раздражаться. За пониманием — к эмпатам!

Старый маг поджал губы — явно обиделся на такое легкомысленное отношение к древнему ремеслу.

— В таком случае займемся делом.

Он призвал Источник и с сердитой поспешностью сформировал какое-то экзотическое плетение, невероятно тонкое и вибрирующее, настолько странное в магическом плане, что при взгляде на него мне захотелось чихать. Проклятие упало на зеленый брезент, и под материей что-то лениво заворошилось. Так ведь покойник...

Догадка, посетившая меня, никак не сочеталась с ясным днем и спокойно наблюдающим за этим безобразием куратором.

— Вы некромант. — Я постарался говорить спокойно и не тыкать пальцем.

— Да! — не без гордости согласился дед.

— А я алхимик! — И, прах побери, им придется с этим смириться.

— Диплом ты делаешь у меня, — негромко напомнил Сатал.

— А защищать буду в каталажке! Воздействие магией на тела людей с целью имитации жизни — семь лет каторги, Оковы Избавления и пожизненный надзор.

— Нет, нет, — встрепенулся чиновник, — все санкционировано. Ознакомьтесь!

Он вытянул из папки лист гербовой бумаги и протянул мне, я пробежал глазами строчки.

— Принудительная анимация? — Это же надо так назвать! — Но здесь нет моего имени.

— А фиг ли? — не удержался от реплики капрал.

— Фиг! Отпечаток ауры индивидуален.

Они сговорились, это ясно, хотят меня под статью подвести. Чем я им помешал?!

— Не нервничайте так, молодой человек, — снисходительно улыбнулся господин Чарак. — Это всего лишь небольшая проверка ваших способностей.

— Спасибо большое, один зомби у меня уже есть!

И я до сих пор расхлебываю последствия его появления.

Некромант дернул седой бровью.

— Труп собаки, — поспешно пояснил Сатал, — последыш гоула.

Мне не понравилось, что о моем псе говорят, как о какой-то отрыжке.

— Весьма неразумно, молодой человек, — осуждающе поцокал языком маг, — экономия сил иллюзорная, не говоря уже о качестве стихийно трансформированной плоти.

Угу, в следующий раз, когда за мной гули придут, я их сортировать буду: первый сорт, второй сорт. Эксперт, его мать!

— Знаешь, дед, внуков своих учить будешь.

А вот это я зря сказал. Глаза старого мага недобро потемнели, а нервы корябнуло присутствие чужого Источника. Мягче надо быть, скромнее...

— Молодой человек немного несдержан, — попытался прийти мне на выручку Сатал, — сейчас он сосредоточится и произведет необходимое заклинание. Он, конечно, понимает, что в его интересах показать себя с лучшей стороны.

...И они будут кататься на мне до старости.

— Мастер, у вас аппетиты, как у Шороха. Дальше только публичный секс!

После моих слов потемнело даже небо. М-да, шутка юмора цели не достигла, сейчас будут убивать.

Сатал и некромант стали ненавязчиво брать меня в клещи, капрал с маниакальной ухмылкой шел в лоб. Покойник к веселью не присоединился.

Это было чистое самоубийство — нарываться на драку сразу с тремя профессионалами, а хоть бы и с одним. Дуэли черных магов почти всегда для кого-то заканчиваются летально (слишком уж могучие силы призывают на помощь сражающиеся), но мне сейчас на это обстоятельство было глубоко плевать — я успел прикоснуться к своему Источнику, а это и была самая большая ошибка. Способность размышлять тихо издохла, самосохранение взяло отгул. Наверное, единственным способом спастись было упасть на песок и закрыть голову руками, но подчиниться насилию — все равно что умереть, так что для меня результат никак не изменится, а вот им будет кисло. С того света являться буду, упыри дрессированные!!!

— Довольно! — спокойно приказал мистер Пирсон. — Думаю, что нам следует перенести этот разговор. Встретимся еще раз во вторник, так сказать, на свежую голову.

— Поддерживаю, — неожиданно объявил Сатал, поворачиваясь к коллегам. Контурсы полуоформившихся плетений, которые он удерживал на самой границе реальности, стали четче.

Капрал прищурился на старшего координатора, а старик поморщился: расклад двое надвое его не устраивал.

— Что, так и будем сопли ему размазывать?

— Вы уж определитесь... — На губах Сатала появилась вежливая

улыбка, но глаза оставались холодными как лед. — Вам нужно обучить некроманта или конкурента уничтожить?

Никогда бы не подумал, что боевые маги, изготовившиеся к мордобою, могут замереть в прыжке, но через пару секунд я оказался единственным, кто еще не заткнул Источник. Вот где сила! Такое самообладание простым умом не понять. Моя черная натура все еще бесилась, требуя крови, но жить мне все-таки хотелось больше, и Источнику пришлось уступить. От произведенного усилия я взмок как мышь и тряся.

Эта ненормальная компания разглядывала меня с медицинским интересом.

— Да, — с некоторым запозданием согласился Чарак, — перенесение разговора действительно имеет смысл.

Да чтоб вы все издохли! Кстати, о ядах...

— До свидания, мистер Тангор, — вежливо поклонился чиновник, — надеюсь, вы обдумаете наше предложение на досуге.

Повернуться к ним спиной я не решился, так и пятился до самого берега, рискуя позорно шлепнуться на пятую точку. На меня никто больше не смотрел, мистер Пирсон что-то спокойно говорил, маги обменивались короткими репликами. Когда дюны заслонили меня от врага, напряжение отпустило, и оставшийся путь до мотоцикла я проделал бегом.

Как бы ни хотелось мне исчезнуть из этого проклятого места немедленно, пришлось ждать еще четверть часа, пока руки не перестанут трястись. Глупо ведь уйти живым из лап колдунов и тут же расшибиться о дерево! Капрал тем временем высвистал из фургона двух санитаров, и индифферентное ко всему тело вынесли с полигона. У меня было достаточно времени для того, чтобы все обдумать и ужаснуться. Нет, не близости смерти.

Я, конечно, с могучими магами дружбы не водил, а из дядьки чародей был хиленький, но основным методом контроля над черной натурой для меня всегда было не провоцировать. В детстве мне старательно внушили, в каких ситуациях естественные реакции могут возобладать над разумом, и посоветовали до такого не доводить. То, свидетелем чему я сегодня стал, этой схеме категорически противоречило — трое взрослых черных не могли отступить перед молодым нахалом, раз уж дело дошло до прямых угроз и вызова Источника. Но когда человек (обычный человек!) озвучил рациональный довод, они с ним согласились и отослали Силу, наплевав на бушующий в крови пожар, барабанный бой сердца, застилающую глаза ярость, попросту вывернули свою суть наизнанку, словно половичок вытряхнули.

Нельзя же так над собой издеваться!!!

Нет, я не боялся этих уродов, меня просто мутило от одной мысли о них. Ненормальные они... или наоборот? Что, если Саталу придет в

голову потребовать от меня что-то подобное? Убью. Его, себя, всех. Меня упорно преследовало бредовое видение паровоза, остановившегося передо мной лоб в лоб.

Вот почему я никогда не хотел быть волшебником.

Возвращение в город заняло больше времени, чем обычно, и дело было не в осторожности. Мне нужно было подумать, а неторопливое перемещение из пункта А в пункт Б создавало для этого наилучшие условия. Предоставленная отсрочка по-хорошему означала лишь то, что в следующий раз отказ от меня не примут, если я, конечно, не смогу за два дня обзавестись покровителем покруче, чем старший координатор северо-западного региона. Мне просто давали время «дозреть». Их ожидает сюрприз: яд в виде аэрозоля (еще ни разу не пробовал – все мышей достать не мог, но возлагал на него большие надежды), единственное – управлять им трудно, вдруг ветер переменится.

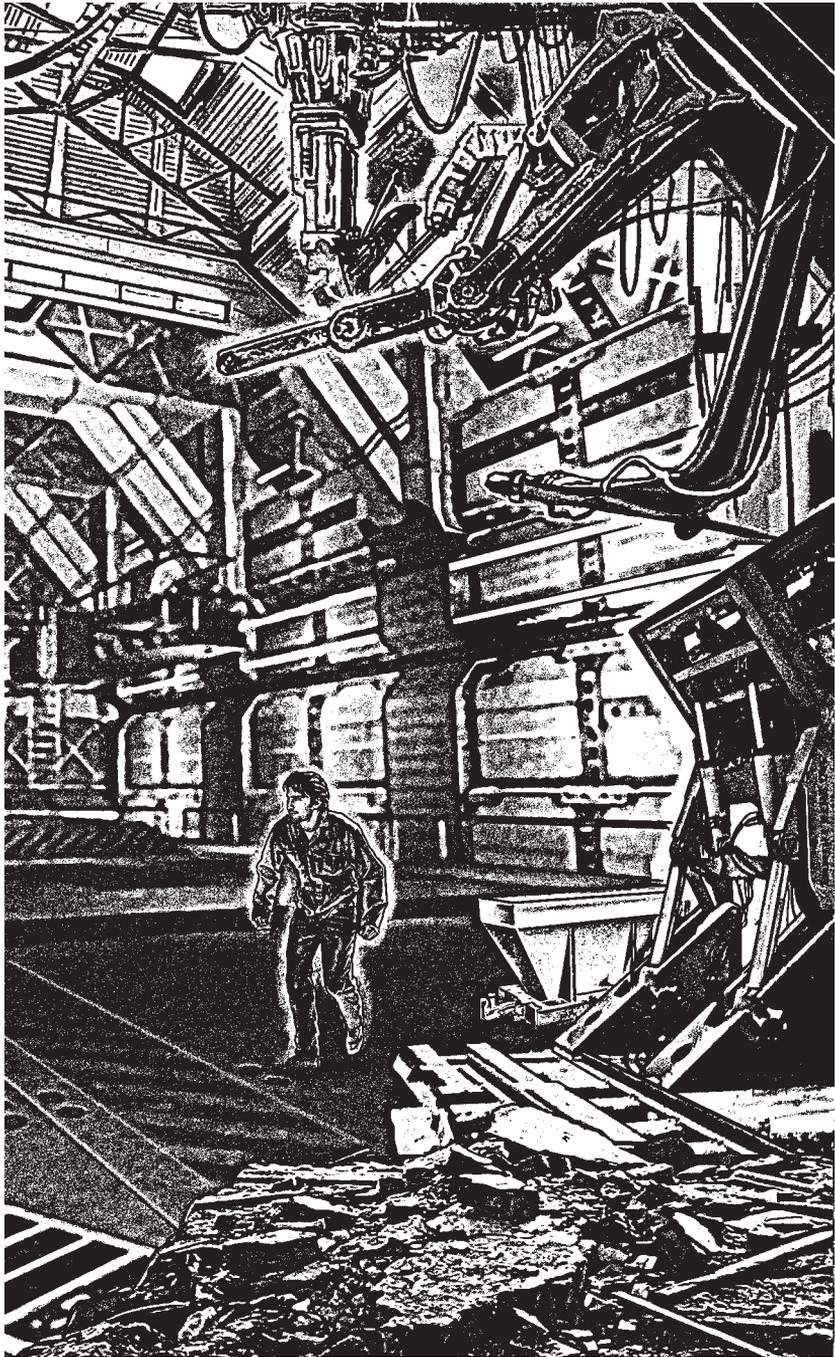
Уже закатив мотоцикл в сарай и раскланявшись с завсегдатаями свалки, я подумал, что какие-то рычаги влияния у меня все-таки есть: это им от меня что-то нужно, а не наоборот, причем силой получить желаемое они не смогут. Стоит попытаться выторговать какие-то приемлемые условия, в крайнем случае упереться рогом. О!! Нажаловаться на них журналистам. То-то пресса будет рада! Даже не обязательно говорить правду, достаточно придумать какую-нибудь омерзительную историю и клятвенно ее подтвердить (например, насчет исчезновения Лорана Пьеро). Фактов мне известно достаточно, предъявлю репортерам Макса, и пусть в НЗАМИПС доказывают потом, что его сделал я. Настроение сразу улучшилось.

Темнота за окнами была разбавлена красноватым свечением газовых фонарей и яркими взблесками магической рекламы, долетающими с соседней улицы. Смысла закрывать шторы не было – четвертый этаж полицейского управления приходился выше крыш соседних домов.

Конрад Бер еще раз окинул взглядом кабинет, проверяя, все ли готово к завтрашней работе: текущие документы ровной стопкой лежали на краю стола, папки с делами заняли свои места на полках шкафа, очиненные карандаши и позолоченное «вечное» перо покоились в подставке. Страсть к порядку сохранилась в Паровозе еще со времен учебки, поэтому сокращение площади кабинета в два раза не сказалось на качестве работы. Разве что стулья для совещаний подчиненным приходилось таскать из бухгалтерии.

Капитан вздохнул – скоро привычки придется менять. Если отношения с мисс Окли будут развиваться дальше (тут еще неизвестно, кто за кем решил приударить), то будущая жена (пусть немолодая и понимающая) вряд ли позволит мужу ночевать на работе. Да и надо ли ему это?

• Монтер путей
господних •

Представьте себе дом среди каменистых холмов. Местность, в которой жизнь несмело прижимается ко дну долин, словно бы прячась от взглядов с горной гряды, серой волной вздымающейся на горизонте (впрочем, если знать, что обитает под этими горами, не грех и спрятаться). Первые лучи солнца золотят далекие вершины, и голубой предрассветный сумрак наполняется теплыми росчерками. Над миром царит благоговейная тишина. Природа изысканно прекрасна, как картинка из мира Мессины Фаулер за секунду до того, как кто-то нащарит на рамке кнопку «пуск».

А потом наступает шесть утра, просыпается Полак и обнаруживает, что кот по кличке Бандит опять нассал ему в тапки. И все наполняется гневными воплями бывшего директора «Биокина», громкостью голоса восполняющего неумение правильно материться. Потом он ищет кота, потом веник и затем снова кота. К тому времени поднимаются Йохан и Четвертушка, которые начинают попеременно ругать и успокаивать страдальца.

День состоялся.

Я не спешу выползть из-под одеяла. Мои тапки в безопасности, и даже шум, поднятый вокруг блохастого вредителя, доносится в спальню приглушенно. Иначе зачем тогда нужна черная магия? Знали бы суровые преподаватели, на что я буду употреблять их высокое ремесло! До того момента, когда Полак успокоится и начнет готовить завтрак, остается четверть часа, которые можно потратить на философские размышления.

Например о том, что сытая жизнь и слабость конкурентов действуют на черных магов разлагающе.

Когда-то я был гордым, бодрым и голодным, шел к мечте, один и без гроша в кармане покорял Редстонский университет, за жалкую сотню крон гонял нежитей из фермерских амбаров... Теперь в зачаро-

ванном ящике моего стола лежал диплом (двойной — алхимика и мага), должности у меня тоже были две (штатная и внештатная), а дом угнетенника местные ловко переименовали в усадьбу Тангора. Хорошо!

Враги у меня тоже были и не какие-то там, а Искусники — злобные сектанты с комплексом на черную магию (средний белый от такой новости сам удавился бы). И фиг лишь толку? Поднятию жизненного тонуса это никак не способствовало. Сколько раз я обещал себе сделать периметр дальнего обнаружения? Задумка шикарная — комбинировать черные знаки с белыми (Йохан божился, что может сделать амулет, распознающий эмоциональное состояние человека), но дальше зарок дело не пошло — лень. Ходить надо, места выбирать, заготовки точить, зачаровывать... Да ну их к Шороху! Кстати, и присутствие в моей голове этого людоедского чудища тоже перестало вызывать протест. Бывают же у людей глюки! Мой, по крайней мере, настоящий. Даже записи в дневнике я научился игнорировать.

Можно сколько угодно твердить себе о том, что мир полон происков злобных сектантов, что надежда на покой — тщета и тлен, а спать на бомбе намного спокойнее, чем жить без бомбы. Но когда по вечерам тебя ждет большой уютный дом, в кухне кто-то привычно возится, а по коридорам, словно неуспокоенный дух, бродит задумчивый белый маг, чувство реальности притупляется. Бытие, так сказать, побеждает сознание. Возникает противоестественное желание прекратить суету, погреться на солнышке (благо лето и ни одного облачка на небе нет), а может, даже написать стих.

Все, сковородками гремят, сейчас омлет жарить будут. Пора подниматься.

Часть первая

ПРИКЛАДНАЯ МАГИЯ

Нельзя познать свою суть, не подвергнув ее сомнению.

Заметки о принципах шаманизма.

Без автора

ГЛАВА 1

В Суэссоне я освоился, можно сказать — пустил корни. От полного превращения в кабачок меня удерживали мысли о сокровищах обитателей Кейптауэра: если потревоженный в подгорной крепости голем их работа, то, подняв зомби тех времен, я смогу узнать такое, такое... Дальше фантазия у меня отказывала. А то, что обратиться с вопросами к предкам чиновников заставила тень мировой катастрофы, так это специфика жанра. Ну, не любят живые люди тревожить покойников!

Было у моего нетерпения и второе дно — мои предшественники на ниве удовлетворения государственного любопытства. Допустим, виру с братства Салема я получил, но то была отступная за покушение на меня. А как быть с детишками, которых они угробили на своих ритуалах? За сироток-то заступиться некому! Если продемонстрировать боссам, как работает настоящий мастер, бесполезность доморощенных некромантов-любителей станет очевидна даже тупому бюрократу, а патологическое стремление экономить бюджетные средства — общая черта всех чиновников. Я так считаю, что финансирование салемских братчиков государство может сильно сократить. Вот это и есть настоящая черномагическая месть! По миру пуцу, а сам ни при чем останусь. Хорошо.

Ради такого случая можно и поработать.

Наученный горьким опытом, я предельно тщательно обдумал условия нового контракта (лучше поздно, чем никогда!). Там должно было быть все: и про сроки, и про транспорт, и про то, что место проведения ритуала не может находиться у Короля в заднице. Естественно, предполагалась достойная оплата, и проблемы с Квайфером они должны были урегулировать без меня (вдруг фонд Роланда потребует компенсацию за прогул?). Но, когда из НЗАМИПС приехал чиновник с договором, оказалось, что все мои пожелания отражены в тексте наилучшим образом. Даже обидно стало.

Надо было срочно придумать что-то еще.

— И лабораторию высшей защиты на двенадцать часов.

— ???

— Люблю, понимаешь, развлечься на досуге.

А развлекался я с големом, и для ворожбы над такой опасной штукой сарай, защищенный парой печатей, совершенно не подходил.

Драгоценная добыча до сих пор ждала своего часа в зачарованных банках. Никакой речи о том, чтобы воспроизвести непобедимую машину смерти, и быть не могло: мастерство древних лежало за пределами моего понимания. Но оставалось еще добрых тридцать килограммов готовой псевдоплоти, успешно заныканных от Райка (остальное пришлось сдать в НЗАМИПС, хотя и не без скандала). С этим материалом я мог возиться до посинения.

Странная рассыпчатая субстанция ни на что известное мне не походила. Первым сюрпризом стало то, что мельчайшие базовые элементы конструктора были совершенно одинаковые (тут невольно вспомнишь песчаных гнид, только уровень сложности иной). Причем соединялись они в структуры, предельно отличающиеся по свойствам и функциям (от бритвенно-острых лезвий до тягучих эластичных шнуров). И это не говоря о том, что шедевральный агрегат умел поглощать проклятия и отыскивать жертву на расстоянии! При подробном изучении в управляющих контурах голема обнаружился особый ритм, чем-то схожие с некромантическими плетениями (конкретно — символами познания и логики), и я немедленно разродился теорией, которую окрестил «сублимацией рассудка».

Идея была в том, что любое сложное поведение можно разложить на ограниченное количество простых действий, а потом расписать их по отдельным песчинкам и комбинировать. Ну разве я не гений? Чтобы создать собственного конструктора, мне оставалось спланировать его поведение на манер пучка разветвляющихся корней и оформить структуру, реагирующую надлежащим образом. От понимания объема необходимых для этого умственных усилий меня начинало мутить (ни один черный не пойдет на такое добровольно), и я сжульничал — вывел схему эмпирически, из наблюдений за живыми объектами (впрочем, не факт, что создатели голема поступили иначе).

В дело пошли самые ничтожные из сущих — дом удавленника наводнили восставшие тараканы, мухи и пауки. Сюрпризом стало то, что воскрешенные насекомые почти ничем не отличались от живых: они были слишком примитивны и не понимали, что умерли. Я даже опарышей от мертвых мух получил! Не знаю, занимался ли кто-нибудь из некромантов чем-то подобным.

Полак (не посвященный в особенности моих экспериментов) купил мухобойку и переложил все продукты в стеклянные бутылки. Бандит, затюканный агрессивными жуками, переселился на помост к

Максу. Йохан, к счастью для себя, с головой ушел в проект и не приглядывался, что хрустит у него под ногами.

Четвертушка что-то такое заподозрил, потому что начал приста- вать ко мне:

— Том, поворожи! Зверье совсем одолело.

— Поворожу! — клялся я. — Вот в конце месяца получу материал для недостающих печатей и поворожу.

В посылке пришли два больших аквариума, в которые я и переселил всех многоногих зомби.

Некромантические плетения сильно влияют на разум заклинате- ля, поэтому результатов у этой возни было два: во-первых, во мне от- крылась невиданная доселе скрупулезность (свойство, для черного мага скорее положительное), и, во-вторых, проклятие, превращающее вещество голема в банду десятисантиметровых муравьев, было прак- тически готово. Осталось отработать нюансы управления и найти для ворожбы место, из которого твари в случае чего не разбегутся. С этой точки зрения подписанный договор был очень кстати, а особенно инте- ресно было то, что ритуал предполагалось проводить в Финкауне (как выяснилось, именно там я появился на свет, хотя родиной по-прежне- му считаю Краухард). Заодно и посмотрю на этот городишко!

Когда обновленный контракт был получен, я был к нему морально готов и полон энтузиазма. Провожали с музыкой — играл собранный заново граммофон. В конце концов, не всякий день находится черный, готовый пострадать за общественные интересы!

Райк, каким-то волшебством узнавший о мероприятии, приперся на банкет без приглашения и нажрался так, что вынужден был заноче- вать. Это был не самый плохой вариант: если верить печатям, кто-то еще намыливался присоединиться к проводам, но, почувствовав при- сутствие начальника, отвалил (банда чистильщиков, веселящихся за чужой счет, была мне в доме на фиг не нужна).

Четвертушка круто рисковал, прикалываясь над моральными ка- чествами боевых магов (главное — не запутаться, кто из присутствую- щих знает о моих похождениях в Арангене, а кто — нет). Полак сдер- жанно негодовал об отсутствии гражданских свобод (официально меня вызывали на положенные выпускникам кафедры армейские сборы), и только Йохан сидел в уголке, печально разглядывая кружку с морсом. В принципе, меланхолия — нормальное состояние для бело- го, главное, чтобы он про дело не забывал. Как там у него движется мой эпохальный проект? Работы, призванные обеспечить мое счастливое будущее, нельзя пускать на самотек — хотя официально использование рудных бактерий считалось бесперспективным (возись — не хочу), все- гда оставался риск, что какой-нибудь паразит успеет первым.

— Ну, как наши успехи?

— Нормально, — кивнул он, но свойственная белым честность за-

ставила добавить: — Медленно только. Раньше я не работал с позвоночными, некоторые вопросы приходится решать с нуля.

— А конкретной? Я ведь к цивилизации возвращаюсь, вдруг там купить что-то надо или в литературе порыться.

Он нахмурился, очевидно, пытаясь сформулировать свои проблемы простым, доступным языком.

— В системе обнаружился естественный барьер, — сообщил он. — Присутствие хищника позволяет отобрать лучшие экземпляры производителей, но не дает им размножаться. Вывести рыбу, которая не пожирала бы молодь, у меня пока не получается. Приходится каждый раз извлекать кассеты, отделять бурильщиков и разводить их в отдельном садке.

У меня возникло ощущение, что такой глупой рыбы, которая будет колотиться башкой о камни, когда рядом плавает мягкое и съедобное, не удастся создать даже при помощи белой магии. А это серьезная неприятность! Начнем с того, что извлекать из аквариума кассеты с рудой — задача не для слабонервных (я для этих целей смонтировал траверсу — они весят два с лишним центнера каждая), а от предположений, как это делать в промышленном масштабе, у меня просто мозги сносило.

— Слышь, а может, нам еще один аквариум купить? Будем выгребать время от времени рыбу из основного и сажать туда.

Хотя ворошить сачком в воняющей кислотой емкости, отлавливая шустрых мальков, тоже удовольствие ниже среднего.

Если бы мне начали давать советы, как делать мою работу, я бы облаял нахала, не вникая, по делу он говорит или нет, а вот на лице Йохана отразилась напряженная умственная работа. Знать бы, что его так пробрало. У него что, сачка нету? Да нет, есть, я точно видел. Потом — бац! Взгляд в бесконечность — наш природник снова выпал из реальности. Ладно, он сам виноват, я ему в Финкауне книжек по аквариумистике надыбать мог, а теперь пусть разбирается как знает. Он магистр или нет? Этот белый просто зашугал меня своими проблемами!

Утром нашлось применение успешному переварить дармовые харчи Райку: мне нужна была помощь, чтобы доставить на станцию багаж и пса-зомби. Чистильщик согласился с энтузиазмом. Даже подозрительно. Учитывая, что черного безумно трудно подрядить на бескорыстный труд, следовало признать — какую-то выгоду он получить рассчитывал. Чую — без меня мой дом заселят, придется потом нахлебников с боем выгонять!

Чем ближе было время отъезда, тем больше находилось поводов для того, чтобы остаться. Я внезапно понял, что до смерти не хочу никуда ехать, хотя и Финкаун, и Кейптаун были мне интересны. Наверное, опытный Чарак в такой ситуации просто смылся бы, никому ничего не объясняя, а мной овладело типичное черномагическое упрям-

ство. Я привык, что новые дела удаются мне легко, и желал чувствовать эту легкость, наплевав на объективные причины и смутные предчувствия. Первая ночь в пути прошла почти без сна, а потом мутная волна беспокойства отступила, оставив после себя только недомогание.

По-видимому, духи предков, пытавшиеся предупредить меня о грядущих неприятностях, от души плюнули на строптивого потомка и умыли руки. Мне была предоставлена возможность разгрести будущие проблемы самому.

ГЛАВА 2

Существует не так уж много вещей, способных привести черного мага в состояние абсолютного, неземного блаженства; как правило, все они уголовно наказуемы и сурово порицаются обществом. Надо ли объяснять, с каким энтузиазмом Эдан Сатал воспринял предложение «наподдать сектантам»? Для восстановления душевного спокойствия боевому магу было недостаточно простого водворения злоумышленников в тюрьму, пожалеть о покушении на его детей должны были все (абсолютно все!), хоть как-то причастные к преступлению.

Теперь черный маг смаковал свершившуюся месть. Это пьянило его лучше, чем вино, и эффект держался дольше: вторую неделю бывший координатор ходил в приподнятом настроении, то и дело впадая в легкий транс.

Ларкес рассматривал водруженные на его стол ноги и решал сложную логическую задачу — бить или не бить? Во времена его молодости считалось, что обижаться на умалишенных грешно, а недееспособность коллеги маг готов был подтвердить под присягой. Сатал плывал в блаженном забытии и ничего вокруг не замечал.

— А я его по ногам — шварк и по морде — хрясь. Он потянул по центру, а я — проникающим...

Ларкес прокашлялся — мгновения своего триумфа Сатал мог живописать часами, причем координатору казалось, что количество нанесенных ударов и пронзенных щитов с каждым разом увеличивается. Не потому ли все древние маги так круты?

— Покончить с сектой вам не удалось.

— Тут ничего не поделаешь! — пожал плечами Сатал. — Мы нигде не засветились, значит, утечка произошла выше.

М-да, было бы странно, если бы черный испытал что-то вроде вины.

— Все гораздо хуже. — Ларкес начал возить пальцами по крышке стола, нахмурился и перестал. — Утечек не было. Один из патриархов, не объясняя причин, прислал вместо себя заместителя, которого вы,

кстати, тоже упустили. Когда наши агенты ринулись его искать, все связанные с этой ячейкой секты либо умерли, либо исчезли. Так уже было один раз: мой предшественник подобрался к ним очень близко, но часть руководства внезапно сменила планы и сорвалась с места, бросив все. У аналитиков есть интересное объяснение: кто-то из сбжавших использует дар предвидения, редкий и почти не изученный талант. Если это так, у нас нет шансов его прижать. Я обратился за помощью к салемскому братству, возможно, они сталкивались с подобным явлением.

Даже сквозь дурман Сатал недовольно поморщился:

— Не люблю я эту публику! Вечно они что-то изобретают.

— Ну составом половины боевых эликсиров мы обязаны именно им.

— А я не говорил, что они дураки.

Координатор искоса посмотрел на собеседника.

— Имел с ними дело?

Сатал пожал плечами.

— Было разок, еще в училище. Приперлись они на полигон со своим щитом, а он как жажнет! Чуть весь курс не положили. И нам же их потом собирать пришлось: две недели землю рыли, даже зубов не нашли. Мне вот интересно, а сколько народу потравилось теми эликсирами?

Лицо Ларкеса на мгновение исказила сложная гримаса, он хмыкнул и передернул плечами.

— Уверен, это были добровольцы.

— Ага, ага!

Координатор внимательно посмотрел на счастливого черного мага и решил, что пора прибегнуть к последнему средству. Сатала следовало привести в боеспособное состояние немедленно!

— Я давно хотел спросить, Дан... Если ты, конечно, не против.

— Мм?

— А что у тебя было с Шорохом те последние несколько дней? Когда ты заперся в кладовке и запретил кому-либо входить?

Воспоминания ледяным потоком обрушились на черного, а когда схлынули, от бездумной эйфории не осталось и следа. Зрелище... завораживало.

— Он показал мне последствия ошибок, не моих, естественно, — бесцветным тоном сообщил маг. — И еще, и еще. Я решил, что не хочу допускать ошибки. — В глазах Сатала сверкнул фанатический огонек. — Я устраню предпосылки неправильных решений, все до единой!

Ларкес кивнул. Нежить ухватился за едва ли не единственное, чем можно пронять взрослого черного, — опасение выглядеть дураком или потерпеть поражение. Пора аттестовать Сатала на магистра и выпихнуть в какой-нибудь параллельный департамент: два координатора в одном регионе не уживутся. Ларкес еще готов был терпеть рядом

продвинутого чистильщика (исключительно для пользы дела), но теперь Сатал эту роль перерос. Все-то у него есть: и мощь, и мастерство, и теперь вот стимул к личному прогрессу! В конце концов, это просто вызывает зависть у тех, кто не может себе позволить оттянуться все-речь, чтобы не испортить репутацию.

— Я хочу, чтобы ты пообщался с салемами. Надо понять, могут ли они действительно чем-то помочь.

Сатал недобро усмехнулся:

— Без проблем.

Ларкес не поленился проводить коллегу до двери (чтобы уж наверняка ушел), достал из сейфа графин с прозрачной, как слеза, жидкостью и нацедил себе стаканчик. Нужно было немного расслабиться, прежде чем приниматься за дела. Координатор кинул в стакан охлаждающее проклятие и решил перечитать этот замечательный доклад о повадках Искусников, копию которого Зертак передал в НЗАМИПС практически даром.

Большой трехэтажный особняк не пытался спрятаться в тени холмов или за вуалью плюща, ослепительно белые стены честно отражались в водах Длинного озера, видные издалека и казалось бы доступные для всех. Однако окрестные фермеры многое могли рассказать о заросших густой зеленью низинах вокруг усадьбы — маги-природники постарались на славу: попасть во владения лордов Эвергринов без разрешения хозяев было невозможно. Давно перевелись в Ингернике короли, приставка «лорд» стала пустой формальностью, данью традиции, но память о прошлом жила. Нынешний глава клана Эвергринов, сэр Майло, с раздражением наблюдал, как лодки простолюдинов нарушают покой вод — когда-то за попытку искупаться в этом озере могли запороть насмерть.

— Гости собрались в зеркальном зале, — чопорно поклонился дворецкий.

Завсегдатаи салонов искренне завидовали умению Эвергринов выбирать слуг: из многочисленных домов семейства никогда ничего не крали. Глупцам не обязательно было знать, как именно достигается такая дивная преданность, хотя использовать в столичном особняке «обученных» при помощи магии слуг семейство уже не рисковало. Это тоже было поводом для возмущения.

«Семь веков! Традиции, отточенные до совершенства, и какой-то выскочка с полицейским жетоном будет решать, какое применение магии допустимо, а какое нет! Какой смысл позволять слуге бороться с соблазнами, когда его можно от них просто избавить?»

Присутствие хозяина особняка в зеркальном зале также было данью традиции — среди Эвергринов не рождались способные к магии, и то, что у иных вызывало сочувствие, в клане считалось поводом для гордости. Сэра Майло не интересовало, как Посвященные ордена Не-

бесных Рыцарей собираются очищать мир от скверны, его задачей было позаботиться, чтобы в новый, светлый мир попали лишь достойные и те, кому там найдется соответствующее место.

«Слишком много ума в голове у горшечника тоже нехорошо. Только магия способна передать власть достойным и установить правильный порядок вещей».

Привычным жестом проверив спрятанные под одеждой амулеты, сэр Майло вошел в зеркальный зал.

— Добрый день, господа! Для меня честь приветствовать вас в моем доме.

С собравшимися здесь следовало вести себя очень вежливо. Едва отзвучали ответные приветствия, разговор вернулся к прежней теме — содержанию газет, в беспорядке разбросанных по столу.

— Это слабо походит на торжество света и справедливости! — возмутился магистр Аинар, довольно известный в среде целителей и посветивший делу ордена почти сорок лет. — Или я чего-то не понимаю?

Бородатый маг с хорошо узнаваемой внешностью благодушно улыбнулся.

— Рассудите нас, сэр Майло: подскажите, как мистер Михельсон собирается развивать достигнутый успех?

Имя министра общественной безопасности заставило хозяина дома поморщиться.

— Никак, — буркнул Эвергрин. — Он не рискнет. Масштабные облавы и аресты легко представить как попытку переворота, а у господина министра и так достаточно недоброжелателей. Особенно после национализации арангенских земель.

И за это выскочкам тоже придется ответить!

— Вот именно. — Белый удовлетворенно кивнул, став похожим на свой портрет, висевший почти во всех учебных заведениях округа. — Считайте, что мы избавились от балласта, выяснили возможности противника и обезопасили себя от масштабных государственных репрессий. Заметьте — практически ничего не потеряв!

— Хотя провести Литургию Света на имитации древних артефактов было бы интересно, — пробормотал худощавый маг неопределенного возраста, имевший привычку забиваться куда-нибудь в угол.

— Дорогой мой Грегори, — улыбнулся бородатый патриарх, — я уверен, у тебя еще будет возможность провести свои испытания, и не единожды.

Да, когда (не если, а когда!) орден добьется успеха, жертв с нужными свойствами у них будет предостаточно. Сэр Майло в очередной раз молча позавидовал долгожительству магов.

Мэтр Аинар жестом признал правоту старшего.

— Отлично, мэтр Хаино, наши ряды очистились. Что дальше?

Сидевшие за столом переглянулись, и Эвергрин в который раз, не-

смотря на амулет, почувствовал, что Посвященных объединяет не только общая вера. Нечто большее гарантировало их преданность делу и твердость убеждений.

«Именно так и поступали в прежние времена! Все эти проблемы выбора и вопросы этики — развлечения для современных недоучек».

— Во-первых, пришло время избавиться от проблемных личностей.

«Зачистить несогласных. Давно пора!»

— Во-вторых, следует начать инфильтрацию к месту будущего ритуала. Теперь наша задача — предельная осторожность!

Обсуждение планов, немного похожее на совместную медитацию, затянулось до вечера. Сэр Майло, отсидев на встрече подобающее время, вежливо откланялся: если совет что-то захочет от него, то найдется способ это передать.

ГЛАВА 3

Маршрут до Финкауна я выбирал сам: на день длиннее, на четверть дороже, зато без пересадок. Могу себе позволить за казенный-то счет! В оснащенный тепловыми насосами купе первого класса летний зной не ощущался, а разморенные жарой люди за окном выглядели даже забавно. Я направлялся в сердце западного индустриального района, места, где границы человеческих поселений давно сомкнулись, образовав огромные массивы домов, цехов и складов почти без вкраплений так милой сердцу белых природы. Невозможно было поверить, что каких-то триста лет назад тут была безлюдная пустошь!

За городской чертой здания начинали резко расти ввысь — три, четыре, пять этажей. Дома выглядели немного пыльно, но представительно — вокзал находился в новой части города, в стороне от старой столицы. Таким был бы Редстон, если спрессовать его хорошенько и сложить по высоте вдвое. В отличие от плоского, выбеленного солнцем Хо-Карга этот город рос в трех измерениях, топорщился эстакадами, возносился на столбах, нырял под землю. Что поделывать, люди слишком долго селились в этих местах, теперь здесь не хватало не просто света и земли, но воздуха и пространства. Однако снести весь хлам на фиг и выстроить свои жилища заново, по уму, горожане почему-то не торопились. В результате даже черный терялся в первый момент от царящего вокруг хаоса.

Все двигалось непрерывно, в разных направлениях, слоями. Трамваи, автомобили, экипажи, и, хвала предкам, никаких рикш. Газовые фонари с подкопченными стеклами кое-где горели и днем, не говоря уже о зачарованных голубых лампах и многоцветных волшебных ог-

нях. И за всем этим безобразием с высокого холма мрачно наблюдал древний замок, украшенный пошлыми блескучими флажками.

В Ингернике Финкаун что-то вроде исторической аномалии, древний город, почти не подвергшийся разрушению. Чуду способствовали два обстоятельства: практически мгновенная гибель окрестного населения в момент падения Гирейна и одиозное богатство столицы исчезнувшего Ингерланда. Когда политическая ситуация немного стабилизировалась (в смысле — невменяемые сторонники короля вымерли), толпы черных магов потянулись сюда за имуществом покойных горожан. Предприятие оказалось настолько выгодным, что прятавшихся в руинах нежитей просто затоптали. Впрочем, после восстановления Финкаун недолго оставался столицей: кое-кому мешали спать мысли о мертвецах, хотя, на мой взгляд, жить под знаком Чумы — гораздо более нервное занятие. Правительство переехало в Хо-Карг, отчего, на мой взгляд, город только выиграл.

Замок на холме был очень стар. Когда-то он служил резиденцией монархов, впоследствии — обиталищем инквизиции, а теперь принадлежал местному отделению НЗАМИПС. Проницательные горожане окрестили старую крепость Домом Короля, и, надо признать, прозвище хорошо отражало действительность.

Из окна моего номера открывался потрясающий вид на эту достопримечательность — сквозь вязь паровозных дымов (гостиница располагалась рядом с сортировочной станцией). Сопровождающий из НЗАМИПС что-то чирикал про свои ошибки и проблемы с бронированием, но я почти не слушал его — считал паровозные гудки. Каждая трель была неповторимым звуковым паспортом соответствующего агрегата, прямо сейчас там катались три небольших маневровых паровозика (трехактная свирель), щебетание которых бесцеремонно оборвал солидный шеститактный рев. Я чуть из окна не выпрыгнул! Это ОН, последнее достижение алхимии, могучий локомотив с парогенератором и электрической передачей усилия на ось!!! Скорость этого чудовища ограничивалась лишь радиусом железнодорожных путей, а длина состава — прочностью сцепок. Что поделать, предки не страдали избытком фантазии и не заложили в чугунку надлежащего запаса прочности.

Я по-быстрому вытолкал за дверь назойливого чиновника и завалился спать под несмолкающий стук колес и грохот сортировки. Всю ночь меня баюкал любимый детский сон с паровозиками и мной в качестве машиниста. Цветные вагончики катались по холмам Краухарда под самыми немислимыми углами, а шум составов подозрительно напоминал тарыхтение дядиного грузовичка. Под утро Шорох решил отличиться, и над долинами моих снов с басовитым рокотом пронесся летучий агрегат из древних времен. Однако техномагия. Хорошо!

Утром выяснилось, что слушать чиновника надо было внимательнее — так круто я еще ни разу не попадал.

Место, где мне полагалось получить дальнейшие инструкции, оказалось банкетным залом, в котором вот-вот должен был начаться прием. Я стоял рядом с мотоциклом в своих походных штанах, бусах на шнуровке и в плаще с завязками, с тихим отчаянием разглядывая дорогие костюмы и вечерние платья гостей. И, что самое противное, у меня не было ни малейшего представления, кого там искать и что делать, если мы все-таки не встретимся. А если возвращаться в номер, то это лишний час, и все равно я буду выглядеть как замарашка. Где в Финкауне за полчаса найти фрак? И сколько это будет стоить...

Обычный человек впал бы в отчаяние, белого хватил бы удар, но черного такой ерундой не одолеешь.

Да какого Шороха! Кто мне говорил, что некроманты — мужики со странностями? Ну и фиг! Они сами виноваты, что подослали ко мне вчера слабоумного.

Я выщелкнул чистящее проклятие, подвязал очки к верхней пуговице жилетки и решительным шагом направился внутрь. Видимо, чего-то подобного от некоторых гостей и ждали, потому что швейцар даже не поморщился и поклонился мне так же чопорно, как и всем остальным:

— Рад приветствовать вас на третьем ежегодном симпозиуме по проблемам прикладной магии, сэр! Регистрация участников за стойкой справа.

Я прошествовал к стойке и с некоторым удивлением получил готовый бейджик со своим именем и указанием «секция номер пять». Так, глядишь, мне еще и доклад придется делать. Интересно, о чем? Я нацепил бейджик поверх очков (больше места не было) и направился в сторону многообещающего позвякивания.

Атмосфера вокруг царила нерабочая. Народ фланировал по паркету, собирался кучками, здоровался, знакомился и что-то обсуждал. Эпицентром движения служил длинный ряд столиков, заставленных тарелками, подносами и горками хрустально сверкающих фужеров.

Вот это по-нашему! Никаких приветственных речей, сначала — фуршет, потом — словоблудие. Я навалил на тарелку корзиночек с салатами и попытался найти среди напитков что-то крепче минералки (знал бы — с собой принес). Над столом крепился стенд с указанием места и времени заседания секций.

— Сделал бы диплом у Чарака, был бы сейчас на острие прогресса.

Пятая секция именовалась «Проблемы ретроспективной анимации», а сзади ко мне подкрался Сатал.

— Здравствуйте!

Любимый учитель шикарно смотрелся в своем темно-сером костюме (похоже, я единственный пришел сюда в коже). Радовало, что

комментировать мой внешний вид никто себе не позволял: по-видимому, любителям прикладной магии уже приходилось прикладываться к боевым магам. Все делегаты спокойно занимались своими делами, и только какой-то маньячного вида дед пялился на меня так, словно мыша увидел. Я уставился на него в ответ, с тихим злорадством ожидая, когда ему придется сдать назад: драться в таком людном месте ни один черный себе не позволит. Жизненный опыт подсказывал мне, что заигрывать с агрессивно настроенным незнакомцем бессмысленно: конфликт этим не прекратишь, а сам будешь чувствовать себя как оплеванный. Дедок надулся и очень внятно произнес: «Хах!» Старый маразматик! Прется ко мне, решил познакомиться.

— Господин Сатал.

— Господин Аксель. Мой ученик — Тангор.

Обидно, конечно, быть представленным как подмастерье, но это лучше, чем остаться с матерым колдуном один на один. Я улыбнулся с тем выражением, за которое даже отражению в зеркале хочется дать в пятак, и пропел:

— Здравствуйте!

Дед холодно прищурился:

— Переигрываешь. — И уже Саталу: — Такой же наглый, как его отец! А ведь они, казалось бы, почти не знакомы.

— Наследственность, — пожал плечами любимый учитель.

Дед фыркнул, развернулся и, не прощаясь, отправился трепать нервы кому-то еще. До чего же мне везет на знакомства...

— Завидует, — констатировал Сатал. — Он к Михандрову год с лишним подход искал, а ты за месяц справился.

— Жаль, никто об этом не знает.

— Шутишь? Чтобы Аксель признал, что принял помощь от Тангора? Да ему проще удавиться!

— А в чем беда? — Меня начинало задевать такое отношение. Да, я уже узнал про бурное прошлое моего семейства. Но когда это было!

Сатал аккуратно повернулся спиной к проходу и начал вполголоса меня просвещать:

— Твой дед его два года в цепях продержал за какой-то криминал, и думаю, что цепями дело не ограничилось. С тех пор Аксель законопослушен до тошноты, но ни один бывший инквизитор в его регионе надолго не задерживается. А твой отец занял должность координатора одновременно с ним. Улавливаешь?

Я улавливал: крутая смесь из зависти, ненависти и ущемленного самолюбия четко вела старого мага на цель. Значит, отдых на Южном побережье мне не светит.

Сатал неожиданно расслабился и повысил голос:

— Собираешься делать доклад?

— О чем?

— Да без разницы! Пятая секция собирается впервые, тебе достаточно выйти на трибуну и постоять.

Ага! Дать народу поглядеть на живого некроманта. Будто мало мне неприятностей...

Пришлось напомнить:

— Я — алхимик!

— Ну да, ну да. А лаборатория высшей защиты тебе зачем?

— Хочу сделать еще один амулет, для мотоцикла, — ловко выкрутился я. — Безопасность — наше все!

Узнаю, кто ему настучал, проклянчу.

Сатал скептически хмыкнул. В этот момент надсадный вой заставил разговоры в зале смолкнуть, некоторые гости вздрогнули, а иные даже присели.

Мой мотоцикл опять пытались угнать.

— Пойдешь? — поинтересовался Сатал.

— Дам им еще один шанс, — поморщился я и активировал ключ, теперь срабатывающий с расстояния в двадцать метров (мне еще в прошлый раз надоело бегать по лестнице вверх-вниз). Противный звук словно отрезало.

Минуту спустя через зал с независимым видом прошлепали четверо боевых магов в мундирах.

— Что, армейские тоже здесь?

— А как же! У них целая секция есть, вторая.

Я попытался составить список своих текущих проблем, сбился и плюнул на это дело. Сегодня — банкет, хоть небо тресни.

Весь оставшийся вечер я потратил на дегустацию деликатесов, вполуха слушая спичи организаторов конференции, произносимые тут же, у стола. А мерзопакостный Аксель осуществлял информационную диверсию: старик обошел весь зал и всем, с кем разговаривал, намекал на присутствие действующего некроманта. («Вон тот юноша, видите? И воющий мотоцикл тоже его. Не правда ли, забавное волшебство?»)

Не ожидал от координатора региона такой мелочности! Впрочем, почему нет? Ему же это ничего не стоило.

Старый дом предоставлял Лаванде Килозо массу интересных возможностей, о которых нынешние обитатели поместья, вполне возможно, понятия не имели.

«Интересные люди здесь жили, доверчивые», — думала про себя шпионка, прикладывая стеклянный бокал к декоративному вензелю на стене. Медный стержень, зачарованный на передачу звука, позволял четко слышать любое слово, произнесенное в соседней комнате.

За стеной, в апартаментах, ненавязчиво охраняемых двумя неприятного вида слугами, Дэррикс встречался с одним из Посвященных, о личностях которых Лаванда по-прежнему не имела ни малейшего

представления. В своем логове Искутники не мелочились: анонимность и покой лидеров секты обеспечивали люди с явными признаками измененного сознания.

«Хозяина поместья можно сажать не глядя: Духовный Патронат еще при инквизиции запретили». Впрочем, как и многое другое, чем сектанты пользовались не раздумывая.

— Здравствуйте, Учитель, — задребезжал бокал.

— Здравствуй, Дэрик. Чай на столе. Ты снова о чем-то тревожишься.

Еще бы нет! Все септонвильские беглецы жили в двух смежных комнатах и почти целые дни проводили вместе. Кажется, переспорить «наивную горожанку» стало для Дэрика делом чести. Лаванда невольно посочувствовала сектанту: жил себе и жил, не один год следовал своим убеждениям и ни в чем не сомневался. И вдруг появляется какая-то пигалица и начинает задавать неудобные вопросы, ответов на которые в пределах его системы ценностей просто нет. Может, не стоит мучить беднягу?

— Это от безделья, Учитель. Поручите мне что-нибудь, и тревоги исчезнут.

— Неправильно! Спокойствия духа следует добиваться до, а не после принятия решений. Итак?

Последовала пауза: Дэрик собирался с мыслями.

— Я не нахожу объяснения пользе, которую приносят черные маги обществу. Казалось бы, влияние скверны должно быть однозначно отрицательным, но именно на черной магии построены наиболее эффективные способы защиты от порождений Тьмы. Проклятый Источник отрицает сам себя!

— Ах вот оно что...

Воображение Лаванды живо нарисовало благообразного старца, печально кивающего головой.

— Ты совершаешь типичную для людей ошибку — меряешь все человеческой пользой. Делом света руководят не корыстные мотивы горстки червей, возомнивших себя царями природы.

Дэрик пропустил свою реплику — может, заслушался, а может, у него просто чай в горле застрял. Посвященного тем временем повело на речь.

— Божественный замысел суть квинтэссенция мирового блага, — вдохновенно вещал он, — интересов всех созданий, а не только одного двуногого. При создании Универсума в своем могуществе Он заложил в него идеальный баланс сил, предполагать, что нечто сущее не угодно Богу, опасная ересь. Ступая на путь Света, мы должны принять мир таким, как он есть, и осознать, что порождения Тьмы — лишь инструмент в Его руках, воздействие которого надо принять с благодарностью. Единственная причина зла вокруг — человеческая воля, мелочно противостоящая Творцу!

Лаванда могла бы возразить, что многие из «созданий божьих» (например, те же каштадарские львы) выжили только потому, что содержались в неволе. Причем склонность заботиться о «братьях меньших» с близостью к Свету не коррелировала: в том же Белом Халаке к моменту коллапса оставались только вороны, кошки и собаки мелких, никчемных пород. Надо ли так понимать, что Господь насоздавал много лишнего? Увы, поучаствовать в споре шпионка не могла.

Голос Посвященного зажурчал доверительнее:

— Черный источник — символ противоестественных стремлений. Он чужд природе, а его обладатели — носители всевозможных пороков. Пораженные скверной распространяют ее вокруг себя, подают тлетворный пример чистым душам и утверждают насилие!

Лаванда представила себе «овец господних», пытающихся подражать черным (особенно в присутствии последних), и ухмыльнулась. Учили мыши kota жить! Нет, нет, люди не так глупы, чтобы участвовать в заведомо проигрышном мероприятии. Напротив, они предпочитают возвести терпение в добродетель, миролюбие превратить в идеал, а неспособных к всепрощению снисходительно опекать. Терпимость к непохожему стимулировалась именно присутствием боевых магов (когда твоя жизнь и безопасность зависят от соседа-черного, хотя он и полный гад). Понимание помогало обывателям избавиться от страха, и что характерно: скоро непобедимые чародеи сами начинали комплексовать относительно собственной природы. Этими беднягами так легко управлять!

Но почему молчит Дэррик, они ведь, кажется, несколько раз проговоривали эту тему? Не хочет противоречить учителю? Обидно!

— Не ограниченное порождениями Тьмы, человечество будет распространяться, как плесень, — скорбно подытожил Посвященный. — Земля нуждается в очищении, и Литургия Света — лишь первый ее этап.

Со своей стороны стены Лаванда удивленно дернула бровью. Интересно, а как последний тезис сочетается с утверждением насилия? Но Дэррик молчал. Из бокала доносились странные звуки: жалобный звон чашки, глухой удар. После минуты молчания Посвященный, вероятно, дернул шнурок колокольчика, и через комнату мерно протопали шаги зачарованного стражника.

— Позаботься о Дэрике, — приказал Искусник.

— А его спутники? — равнодушно уточнил стражник.

— Они присоединятся к нему позднее. Мы найдем для них подходящее послушание.

О живых людях таким тоном не разговаривают. Чувства Лаванды корябнул легкий холодок — ощущение близости чьей-то смерти. До своей комнаты шпионка домчалась одним духом. Мысли метались, как перепуганные кролики. Дэррик мертв. Ей придется бежать, а выяс-

нить планы секты так и не удалось. Полный провал! Да и как отсюда выбраться? По границам поместья разросся настоящий зеленый ад, пристань также отделена от дома двумя рядами живой изгороди, во всех проходах — измененные стражники, которым человека зарезать как почесаться. Тем более что дело касается гостей, все равно предназначенных на убой.

Лаванда села на кровать, невольно выполняя совет, данный Учителем. Спокойствие! Дэрика убрали, явно следуя какому-то плану, скорее всего потому, что Искусник засветился в Септонвиле. С остальными беглецами поступят так же, но позже, и все концы, ведущие к руководству секты, будут обрублены. У шпионки остается совсем немного времени и призрачный шанс повернуть ситуацию в свою пользу. Но отступить сейчас она не могла. Сектанты оказались гораздо опаснее каштадарских Хозяев Домов — те хотя бы не обладали глубокими познаниями в магии. Упускать Посвященных нельзя!

О том, что Дэрик уехал по срочным делам, беглецам рассказали за ужином. К тому моменту Лаванда стала мисс Табрет почти целиком, и заподозрить ее в сомнениях было невозможно.

ГЛАВА 4

Тот встречающий из надзора, который меня подставил, на приеме не появился. Что мне делать дальше с моим контрактом, было совершенно непонятно, а спрашивать у любимого учителя — неудобно. Пришлось сделать вид, что я всю жизнь спать не мог — хотел узнать, что думают о некромантии не имеющие к ней отношения люди. Поднагоревший в научной риторике Ракшат назвал бы такое занятие «теретические макароны».

Пятая секция начинала заседать позже всех (вероятно, предполагалось, что некроманты ночью заняты). Зато стены зала заседаний были отделаны в бело-зеленую клеточку, спокойно воспринимать которую мог только ушибленный на всю голову природник. Сенсаций не планировалось: так, пара обзорных докладов и что-то из криминалистической практики. Профессор из столицы долго и подробно излагал непроверенные исторические сведения, добытые из частных архивов. С его слов, выходило, что некромантия едва ли не самая древняя ветвь магического ремесла. Культ предков на три четверти состоял из подобных практик, хотя участники ритуалов были уверены, что на их вопросы отвечает дух. Что характерно, очень долго этим на равных занимались белые и черные. Дальше допроса костей дело, как правило, не заходило: попытки оживления трупов случались редко и кончались предсказуемо — смелому экспериментатору просто сносило мозги. В конце лектор довольно подробно описал использованный салемами

братчиками ритуал, добавив, что именно жертвоприношения детей сформировали вокруг некромантии ореол нетерпимости.

Слушать все эти «по-видимому», «можно предположить» и «вероятно» было откровенно скучно. Зачем с умным видом говорить о том, что не можешь доказать? Кое-что из того, что авторы приписывали нашим предкам, реализации не поддавалось даже теоретически (лично я это прекрасно понимал). Послушать истории про зомби тоже не получилось: поднимать покойников на профессиональном уровне научились сравнительно недавно (еще бы, собрать вместе дюжину некромантов — это тебе не палец показать!). Придание мертвой плоти свойств легендарных гоулов было отдельной труднореализуемой задачей, поэтому на врагов поднятые покойники оказывали чисто психологическое воздействие.

Вторым на трибуну забрался жизнерадостный толстячок в полицейском мундире — уполномоченный по сношениям с обществом (может, я его звание не разобрал?). Этот живописал современное положение дел (так, как оно видится из криминальной полиции), сыпал ростом процентов раскрытых и предотвращенных преступлений. Его послушаешь, так некромантов и не преследовали никогда — так, задерживали до выяснения. Лепота! Но о своей проблеме он все-таки проговорился: большинство обученных на полицейских курсах экспертов-аниматоров могли выудить отпечаток памяти только из более-менее хорошо сохранившегося тела. Вот почему Брайен ко мне так прицепился: способных допросить голую кость на всю Ингернику было человек тридцать, и это если считать столетних стариков.

А я, оказывается, ценный кадр! Но алхимия мне все равно нравится больше.

В общем, быстро выяснилось, что поучить меня некромантии никто из присутствующих не сможет. Надо ли говорить, что на следующий день я пришел туда только к раздаче бесплатного завтрака?

Около столиков меня встречал любимый учитель.

— Ты что это, халтурить вздумал?

Вот пристал! Ему-то какое дело?

— Сэр, я здесь вообще-то по контракту. Никто не говорил, что мне придется заседать на каком-то дебильном мероприятии!

Знал бы — денег вдвое запросил. Они бы разорились.

— А сотрудником НЗАМИПС ты с каких пор перестал быть? — резонно поинтересовался Сатал.

Вот зараза! Тут он меня уел.

— Значит, так, — учитель строго нахмурился, — контора командирует тебя на этот семинар, возражения не принимаются! Надо показать армейским и жандармам, что НЗАМИПС всегда впереди. Держи!

И он вручил мне странную бумажку, которой я объявлялся владе-

льцем объекта «по пункту триста десять прим» с благословения старшего координатора региона Р. Ларкеса.

— Это что?

— Олух! Легализовали мы твоё творчество. Спасибо сказать не хочешь?

— Ну, спасибо. — Отлично, теперь я официальный зомбивладелец. То есть, если что случится, первым вспомнят про меня.

— Тему сам придумашь. Представишь обществу экспонат, объяснишь, как он там бегают, чем питаются. Дальше — на твоё усмотрение.

— А время на подготовку?!

— Да к чему тебе готовиться? Завтра в десять чтобы был.

Вчера сказать мне об этом он не мог. Вот сволота! Мало того, что я один здесь в кожаных штанах хожу, притворяясь, что так и надо, теперь меня еще превратят в аттракцион. Одно дело — мелкий эпатаж, и другое — выставить себя диким краухардцем на глазах цивилизованной публики. Тут даже армейские спецы на своей секции такие доклады выкатывают — закачаешься! Оптимизация инструментального контроля на местности, с графиками мощности и данными топографической съемки. От возмущения дармовые пирожки не лезли мне в горло. Это надо же так человека довести!

За дальним столиком сидел Аксель, с независимым видом прихлебывал чай и вилочкой отламывал от пирожка крохотные кусочки. И почему мне кажется, что я знаю, от кого исходит эта гадская инициатива? Либо я подставляюсь сам, либо подставляю Сатала, так и так старый печенник получит удовольствие.

К концу заседания у меня созрел план мести. Они хотят шоу некроманта? Они его получат, хоть задницей жуй.

Плотно пообедав за казенный счет, я поехал по магазинам, закупив оптом белый шелк, тушь и перья для каллиграфии, а потом всю ночь, без сна и отдыха, ваял иллюстрации к моему эпохальному сообщению. Наверное, мое возмущение давило окружающим на мозги, потому что в третьем часу ночи в номер постучал портье и заявил, что через полчаса у меня поезд. Ему сильно повезло, что я не спал! Мужик был послан за кофе.

К утру я представлял собой идеал сурового чародея из синематографических лент о древних временах (да, в детстве я тоже испытывал слабость к этим дерганым картинкам, отсутствием ауры навевающим мысли о мертвецах). Никаких городских глупостей вроде галстука или воротничка: кожаный плащ, вязанный жилет на голое тело, широкие ремни через грудь, на щеке — знак-концентратор (я прочитал о таком в дневниках Салариса), на поясе — дядькины четки (кто знает, тот поймет). Без посоха. Макс украсился аккуратной алой попонкой с небрежно выведенной бальзамирующей руной. Блеск! Когда швейцар

шарахнулся от нас, творя отвращающие знаки, я понял, что нужный эффект достигнут.

К трибуне шел в звенящей тишине. Шелковые плакаты на тонких бамбуковых жердочках производили впечатление боевых штандартов, черная и алая тушь смотрелись как брызги крови и пятна мрака. Макс, проникшийся моментом, сел на край сцены и тяжело вздохнул.

В первом ряду устроился неопишимо довольный Сатал, а рядом — неподражаемо скукожившийся Аксель. Это они меня еще не слышали!

Нудным тоном вчерашнего лектора я начал перечислять преимущества гибридного зомби на гулевой основе, краем глаза наблюдая, как постепенно наполняется зал. Начертить схемы потоков мне было раз плюнуть, а вот обзорную часть приходилось безжалостно плагиатить у автора первого доклада. А что делать? Темы-то я не знал. Критики с мест можно было не опасаться: если мужик не наврал, к созданию боевых зомби начали подходить как раз перед правлением Гирейна, а потом все труды на эту тему погибли при массовом сожжении библиотек (не забыть туманно намекнуть на долгие поиски таинственных гримуаров, спрятанных под действием Бриллиантовой Руны). Я полчаса тупо парил народу мозги, и хоть бы кто вспомнил о регламенте! Когда в дверях замелькала вторая армейская секция полным составом, стало ясно, что балаган пора сворачивать.

Дискуссии не получилось вообще. Армейские спецы целеустремленно протискивались к сцене с явным намерением пальпировать объект доклада. Теоретики магии с задних рядов ожесточенно спорили о том, что может или не может мой пес, практики с первых — сосредоточенно передирали схемы с плакатов. Я снисходительно выслушивал бред председателя секции о необходимости продолжить мои интереснейшие исследования. Работа семинара была успешно сорвана.

Любимый учитель был вне себя от счастья.

— Ну вот, а ты боялся! — Алкоголя в буфете не подавали, но у Сатала была с собой флажка коньяку. — Теперь старик заречется со мной спорить.

Что и требовалось доказать.

— Сэр, я понимаю — Аксель, но вы-то!

— А что я? — пожал плечами Сатал. — Координатор теперь Ларкес, а я — скромный шеф департамента практической магии. Провожу овидетельствования, выдаю лицензии, никаких карательных функций. Хотя, — тут он смерил Макса оценивающим взглядом, — возможно, скоро мой департамент приподнимется!

Как говорится, предки в помощь. Я, кажется, внятно объяснил, каким объемом оперативных проклятий надо владеть, чтобы проверить подобное. Правда, оставались еще зомби-жуки — освоить их создание гораздо проще. Да Шорех с ними! Пусть делают, что хотят. Главное, чтобы Аксель от меня отцепился.

— Вы слышали? Омерзительно! Привести в Драйден-холл исчадь Тьмы. Я теперь никогда не смогу там появиться.

— Напротив, друг мой, все очень удачно и своевременно. Слухи неизбежно просочатся в прессу, и, когда все случится, власти не смогут отрицать своей вины. У них надолго пропадет желание играть с костями!

— С этой точки зрения... Да, вы правы, Учитель.

ГЛАВА 5

Больше на симпозиуме я не появлялся с молчаливого одобрения его организаторов. Говорили, что репортеры у парадного только что хороводы не водили, а двое посыльных на мотоциклах были натурально взяты в плен. Предки в помощь! Персонал гостиницы, проинформированный о возможных последствиях, свято хранил мои тайны (мысли о том, что можно противоречить некроманту, у них просто не возникало). Освободившееся время я использовал для освоения новых территорий.

Первым делом посетил старый город. Чтобы попасть туда, сделал крюк через предместья: на мосту в районе делового центра днем можно было застрять даже на мотоцикле (чем занят в городе весь этот народ?). Бывшая столица Ингерланда занимала средних размеров городской квартал с узкими щелями улиц, по которым даже тележку протащить — целая история. На периферии возвышались прежние загородные особняки знати, все прочее было застроено более-менее современными зданиями под старину. Наверное, все финкаунские белые собрались именно здесь — такой концентрации целителей, учителей и деятелей искусства на квадратный метр не было даже в Хо-Карге. Каждое второе здание оказывалось либо школой, либо клиникой, либо музеем.

Говорили, что некоторые чудаки приезжают в Финкаун с разных концов Ингерники, чтобы приобщиться к благородной старине. Лично меня город предков не впечатлил — не было в нем новизны. Ну — машины, ну — народ, так это не чудо. Старые дома с какого-то момента стали казаться однообразными (а откуда вы думали архитекторы Хо-Карга черпали вдохновение?), а бывшая инквизиторская резиденция не шла ни в какое сравнение с руинами, увиденными мной на острове Короля. Скучно, господа! Я посетил тот дом, в котором прошло мое младенчество, но ничего в душе не шевельнулось. Навестил фамильное кладбище, но родства к чернораморным надгробиям не почувствовал. Иногда мне казалось, что на меня смотрят из толпы, удивленно или испуганно, но и это не трогало. Нельзя два раза войти в одну и ту же реку. Что-то необратимо разорвалось в чреде поколений, и теперь неродной краухардский дядя был мне ближе потенциально

живых родичей. Конечно, здорово было бы найти папины деньги, но, учитывая инфляцию, я сейчас зарабатывал почти столько же.

Гораздо увлекательнее был процесс зачаровывания голема — каскад заклинаний, творимый почти на грани моих возможностей. Исходные компоненты я совершенно спокойно хранил в лаборатории: они выглядели как бутылки с грязным песком, и никто из вороватых от природы черных магов не проявлял к ним интереса. Они просто не чувляли, во что вот-вот превратится безобидная пыль! «Умный песок» постепенно избавлялся от вредных привычек и приобретал полезные. В отношениях Шороха ко мне проскакивало что-то вроде благоговения: на его памяти я первый пустил непобедимую машину смерти на вторсырье.

Проведение некромантического ритуала регулярно откладывалось: приглашенные на него чародеи в Финкауне так и не появились, наплевав на контракты (почему я так не могу?). Вместо того чтобы отменить провальное мероприятие, организаторы спешно подыскивали матерым дедам замену. Каюсь, я как-то не подумал о том, почему этого прошлый раз не сделали и отчего такое количество черных магов внезапно снялось с места. Мне просто не пришло в голову оценивать поступки старших на предмет рациональности, а присутствие Сатала убивало желание собачиться. Да, черные маги воинственны и свободолюбивы, но по накатанной колее катятся за милую душу!

Для того чтобы собрать Круг, организаторам потребовалось две недели. С коллегами по ритуалу я знакомился в некотором замешательстве. Десять магов не старше пятидесяти и не младше тридцати, переходное поколение — нормально обучать некромантии уже перестали, но «исправлять» Источник еще не начали. Один парень моих лет, наверное, кто-то из стариков начал с ним заниматься тогда же, когда Чарак со мной. Все пребывали в раздражении, слаженной работы не удалось добиться ни на первой, ни на второй тренировке (а я-то еще удивлялся, зачем они нужны). Дюжина недовольных черных магов — это тебе не дождик золотой!

На третью тренировку пришел какой-то клерк и начал намекать мне, что пора заняться делом.

— Ничего не получится, ничего — это в лучшем случае, вы же видите: группа в таком составе не способна объединиться в Круг.

Клерк начал бухтеть, и был послан простой фигурой речи. До чего меня раздражают типы, воспринимающие черную магию как товар! Интересно, они с гулями тоже будут торговаться?

На следующую тренировку пришел Сатал, посмотрел на этот цирк и поморщился:

— Где они откопали таких тормозов?

— Без понятия. Но хочу обратить внимание: обучение в мой контракт не входит.

А подарить этим олухам талант некроманта я вообще не в силах. Мужики откровенно не тянули: пытались тупо воспроизводить мои плетения, не отзывались на воздействия и вообще не понимали, о чем им говорят.

— Рассортируй! — распорядился Сатал. — Пусть меняют.

Это заняло еще две недели, и все это время мой дом и мое дело оставались без присмотра. Лето потеряно, если так пойдет, то в Суэссон я вернусь в самую грязь. Что по этому поводу скажет Квайфер, не хотелось даже думать. Впрочем, понятно, что скажет: меня — выгонит, Четвертушку — наймет. А ведь мне от фонда Роланда еще рекомендации получать!

В итоге от первоначальной группы осталось пятеро, включая меня и того молодого колдуна. Парня звали Хок, вербовщики выдернули его из службы очистки, но как некромант он быстро прогрессировал. Чарак может радоваться — древняя профессия оживает. Тренировочные упражнения группа выполняла на удивление слаженно, и я решил на ритуал, наплевав на дурные предчувствия. Молодой был, смелый.

Спасло меня то, что система защиты зала ритуалов к тому моменту была полностью переделана — первоначально она не соответствовала нуждам некромантии. Дело даже не в страховке для магов, оперирующих особо опасными плетениями: отвечать за свою ошибку им уже не придется. Но руководство не нашло ничего умнее, чем выделить под наше творчество подвалы Дома Короля (то есть, даже если выброс магии не достанет до жилых кварталов, весь персонал городского офиса НЗАМИПС будет в ауте). Стандартные (мощные, но грубые) средства защиты требовалось доукомплектовать чем-то более изощренным и стойким к некромантической магии. Я увлеченно занимался этим весь месяц, доводя ассистентов до слез своей мелочностью — желание сэкономить на безопасности было мне не понятно. Теперь место для моего первого самостоятельного Круга представляло собой идеальный полигон мастера.

Ритуал начался удачно, даже более чем, учитывая, что из всех присутствующих раньше в Круге участвовал один я. Плетения у всех выходили не просто «правильные», но функциональные и насыщенные, легко входящие в резонанс и чутко реагирующие на воздействие. Поэтому когда начались первые искажения, я просто подправил их, не став разбираться в причинах.

Но искажения не затухали.

Складывалось ощущение, что кто-то из участников теряет контроль над ситуацией, причем в самый ответственный момент. Геройство в черной магии неуместно. Я начал сбрасывать энергию Источника на накопители, чтобы как можно быстрее остановить ворожбу, но опоздал — один из магов упустил плетение, причем так странно, слов-

но бы растаяв в нем (потом мне сказали, что в этот момент у него остановилось сердце). Какое-то мгновение структуры сохраняли равновесие, а потом начали оплывать. Я рывком усложнил свои плетения на порядок, не давая Кругу распасться — прелесть таких каскадных проклятий в том, что откат от каждой части бьет с силой целого. В смысле: на землю упадет только пепел. Колдуны помогали мне чисто интуитивно: опыта в таких ситуациях у них было еще меньше, чем у меня. Причем, хотя один из нас ушел, ощущение было такое, что участников ритуала по-прежнему двенадцать.

Я старательно выщепивал энергию из плетений, но ниже какого-то предела она не опускалась. Это выглядело так, словно бы что-то стабилизовало потоки, несмотря на все мои усилия. Вернее, кто-то: разбуженный нами дух, даже не осознавая происходящее в полной степени, кроил плетения под себя. Все, что можно сделать в такой ситуации, — минимизировать ущерб, сосредоточив «порченные» структуры в максимально узкой зоне. Я начал безжалостно рвать связи, члены Круга вываливались из плетения один за другим. Не беда! Думаю, их не в первый раз бьет откатом. Проблема в том, что я должен был выходить из Круга последним, и в довершок к не очень приятным эффектам избыточной магии мне доставалось спеленутое заклинанием сознание мертвеца.

Ощущение было... незабываемым. Как у ложки соли в стакане воды. Пределы моего «я» распались, канули в бесконечность, унося с собой осколки воли и обрывки разума. Удержать собственную целостность изнутри было невозможно.

Положение спас Шорох. Его немислимая сущность отразила меня целиком, послужила точкой опоры, одновременно приняв в себя те части сознания мертвеца, которые еще не успели проявиться в реальности. Образно говоря, стрела возмездия замерла в полете. Никогда бы не подумал, что буду обязан жизнью чудовищу!

Чувства вернулись рывком.

Кто-то стонал, отвратительно воняло, переполненные Силой накопители источали жар. Цветные свечи в пределах отвращающих знаков выгорели полностью.

Какой-то лихой целитель подскочил ко мне и, преодолевая слабое сопротивление, попытался напоить блокиратором. Они вообще сообщают, что делают?

— Нет.

Меня не слушали. Я изловчился и кинул обидчика через бедро.

— Нет, я сказал!

Может, у меня голос сел?

— Нельзя, нельзя! — Ко мне на карачках полз один из очухавшихся раньше колдунов. — Он еще не закончил.

Да, не закончил. Пока плененное сознание во мне, черный Источник нельзя отослать.

И тут я все-таки отрубился. Очнулся непонятно когда, непонятно где, совсем в другом месте — через окно бил солнечный свет. В кровати. Сам факт был удивительным: спать с открытым Источником ни одному колдуну в голову не придет.

Подле моего ложа на стуле сидел Сатал и терпеливо ждал, когда я на негоотреагирую. События предыдущего дня (недели? месяца?) медленно проступали в сознании.

— Это надо ж было так залететь...

— Помнишь, что произошло? — прищурился любимый учитель.

— Похоже, что несчастный случай.

— Никаких случайностей — Максима Хока отравили. Тебе перед ритуалом предлагали еду?

— Да, портье. — Я припомнил внешность гостиничного работника с подносом — на отравителя тот никак не тянул.

Сатал что-то пометил в записной книжке.

— Почему не взял?

— Так ведь пост надо держать не менее суток. — Это очень важно, если не хочешь обделаться прямо во время ворожбы.

— А вот он взял. Малолетка! — Сатал раздраженно поморщился, но не рискнул материть покойника, тем более черного мага. — Одно его извиняет — действовали с размахом. Половина постояльцев нажалась этой гадости, но отраву уж больно хитрая, активизируется только магией. Кроме него, пострадали два целителя и один не-маг, по роду службы близко контактирующий с охранными амулетами.

Да, есть такое снадобье, магистр Тиранидос уделил ему в своей работе целую главу. Что характерно: воздействие зелья не смертельно, конечно, если ты не занимаешься предельно сложной ворожбой в тот момент, когда потеряешь сознание. И называется эта штука как-то очень поэтически...

— Ты меня слушаешь?

Я словно очнулся.

— Да, да... Виноват, задумался!

Сатал как-то странно на меня покосился.

— Не извиняйся. Вообще думать забудь, что в чем-то виноват. За все происшедшее ответит служба поддержки: их кураторы должны были опекать вас с момента прибытия и до завершения ритуала. Ты своего видел?

— Один раз.

— Вот именно! Я тоже хорош — знал же, что фигня какая-то намечается. Старики попрытались, один Аксель, стервятник, приперся!

Это было самое искреннее признание вины, какое я слышал от черного. Неужели мне так плохо? И Аксель...

ВЛАСТЕЛИН ВСЕХ КОЛЕЦ

(О трилогии Ирины Сыромятниковой «Житие мое»)

Пожалуй, сначала эмоциональные впечатления, хотя обычно это приберегается для заключительной части, но и там место найдется. При знакомстве с текстом постепенно возникает приятное недоумение, которое порождает массу вопросов. Как же так, ведь автор, настолько хорошо понимающий мужскую психологию, не может не быть мужчиной! Все женщины, выбирающие жанр фэнтези, изображают мужчин либо суровыми героями разной степени жестокости и лицемерия, либо безвольными типами, которые служат подручным материалом для ведьмы, чародейки или другого создания со сверхъестественными способностями, либо на худой конец подростками с соответствующими комплексами из личного опыта и окружения автора. Но повествование с мужской точки зрения носит эпизодический характер и лишь подчеркивает особое положение главной героини. И вот, свершилось.

Томас Тангор, в первой части трилогии еще проявлявший некоторые признаки стиля унисекс, во второй и особенно в третьей части становится нормальным мужчиной, без мачизма, хотя и не без комплексов, которые он сам объясняет как неизбежную особенность характера любого черного мага. Хотя, как и положено главному герою, он все же отличается от своих сверстников: если у нормальных «черных» склонность к интроспекции и обстоятельности появляется лишь после пятидесяти лет (при общей продолжительности жизни в районе трехсот лет), а ранее преобладает импульсивность и стремление к действию, то в нем эти качества успешно сочетаются с самого начала, приправленные щедрой толикой недетского цинизма. Другой, менее явной чертой является суровая сентиментальность, особенно по отношению к собственным творениям, главное из которых — милый зомби-пес Макс, появившийся по воле некромантического заклинания и счастливого случая и имеющий массу полезных качеств, в том числе способность прикидываться чучелом. По отношению к остальным его манеру можно определить как вполне английскую сдержанность вкупе с английским же чувством юмора и склонностью к эпатажу, когда он находит это уместным или полезным.

Но отвлечемся ненадолго от главного героя и посмотрим на то, что некоторые рецензенты любят называть «сеттингом», а выражаясь по-нашему — обстановкой действия в сочетании с местным колоритом. Мир, описанный автором, до краев наполнен прагматизмом, а место для романтических порывов и сентиментальных рассуждений остается только для белых магов, которым, хотя и не всем, присуща крайняя эмоциональность, безалаберность и любовь к теоретизированию. Отдельная категория — психологически устойчивые белые эмпаты, успешно сотрудничающие с черными магами в аналогах полиции и контрразведки. Интересно, что за безопасность в регионах Ингерники отвечают старшие координаторы из черных магов, примерно так же как в КОМКОНе у Стругацких. Общество примерно соответствует просвещенной меритократии (кто хочет, может погуглить термин), и магия не препятствует, а скорее способствует техническому прогрессу, который, впрочем, не спешит двигаться вперед семимильными шагами. Одной из причин являются всевозможные формы нечисти с забавными или зловещими названиями, которая особенно активна в местах разного древнего колдовства. Другая причина, представляющая непосредственную угрозу государству, — это деятельность подпольного братства Искусников, вербующих фанатичных поклонников с помощью колдовского варианта NLP-программирования, но при этом стремящихся избавить мир от нечисти, черных магов и, как выясняется впоследствии, от магии как таковой. С учетом того, что в организации состоят далеко не хилые маги, возникает вопрос: а зачем оно нужно? Терпение, не все так просто.

Конечно, у романа есть вкусный социальный подтекст. Достаточно привести одну цитату: «Горстка фанатиков шпыняет правительственные силы как хочет. Пока нас спасает хорошая экономическая конъюнктура — у общества нет поводов для возмущения. А дальше что будет? Давить паразитов надо, прямо сейчас!»

И еще одну из-за прекрасного стиля, не могу удержаться:

«Все двигалось, непрерывно, в разных направлениях, слоями. Трамваи, автомобили, экипажи и, хвала предкам, никаких рикш. Газовые фонари с подкопченными стеклами кое-где горели даже днем, не говоря уже о зачарованных голубых лампах и многоцветных волшебных огнях. И за всем этим безобразием с высокого холма мрачно наблюдал древний замок, украшенный пошлыми блескучими флажками».

Но все же это не главное. Сначала из намеков и обрывков фраз, а потом уже по происходящим событиям можно судить о том, что действие трилогии разворачивается в некотором землеподобном мире спустя сотни тысяч лет после серии циклических катастроф, в основном имевших рукотворную природу. Автор, явно владеющий археологическими навыками или терминологией, повествует о нескольких экспедициях, вскрывающих культурные слои разных предыдущих

цивилизаций от чисто технологических до техномагических, одна из которых заложила основы нынешнего миропорядка. Конечно, эта идея не нова: среди наиболее ярких литературных воплощений можно назвать два романа об Иеро Стерлинге Ланье и «Восточную Империю» Ф. Саберхагена, более близкую по духу этой истории, хотя там все-таки речь идет скорее о героической саге. Этот же мир полон обычных явлений и взаимоотношений, но фишка в том, что автор описывает отношения между взрослыми людьми, а не персонажами из «мокрых грез» вчерашних школьников или подзабытых советских кинофильмов. Действие местами может показаться монотонным, но трилогия не зря называется «Житие мое»: любовью, кто хоть сколько-то пожил на свете, знает, что жизни присуща унылость и монотонность. Что-то должно продвигаться вперед, и оно продвигается, на разных фронтах, независимо от нашего желания.

Кстати о разноплановости: автор умеет придавать тексту дополнительную объемность через повествование от лица разных персонажей, выписанных с разной степенью достоверности, но все же не картонных — во всяком случае, не хуже, чем у Йена Флеминга в его саге о Бонде, имеющей сами знаете какой успех. Будь то инспектор Бер по прозвищу Паровоз, старший координатор Сатал или его преемник Ларкес, белый маг и археолог Алех, шпионка Килозо или даже мерзкий старикашка Аксель — все они самостоятельные фигуры и открывают много нового, в том числе представление окружающих о личности главного героя.

Не имеет смысла вдаваться в перипетии сюжета — это только испортит впечатление от чтения (если кто-то еще не знаком с отдельными книгами) и будет несправедливо по отношению к автору, который в конце третьей книги дает понять, что дело еще не окончено. Кроме того, в сети есть огромное количество читательских «рецензий», варьирующих от детского лепета и замечаний пресыщенных жизнью подростков до вполне глубоких комментариев. Главных претензий к автору две: повествование не имеет конечной цели и не проникнуто общей идеей (которую, видимо, нужно подать на блюде с голубой камочкой) и автор не желает преподносить читателям романтическую линию и любовные сцены (насколько я понимаю, в основном от женщин). Ну-ну. Поищите, например, любовные сцены в ста с лишним романах Андрэ Нортон, может быть, парочку и найдете, хотя романтических линий больше. Но радуется, что большинство обращает внимание на свежесть и оригинальность трилогии по сравнению с остальным женским фэнтези в отечественном исполнении. Конечно, у нас есть «Волкодав» в исполнении уважаемой Марии Семенович и другие хорошие образцы женского фэнтези, но здесь я скорее рискну провести параллели с Джулией Джонс, Кэролайн Черри и Катариной Керр, именно в такой последовательности.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИТИЕ МОЕ	7
АЛХИМИК С БОЕВЫМ ДИПЛОМОМ.	261
МОНТЕР ПУТЕЙ ГОСПОДНИХ.	551
<i>Кирилл Савельев. Властелин Всех Колец.</i> <i>О трилогии Ирины Сыромятниковой «Житие мое»</i>	823